

ДАНИЛОВСКИЕ ХРОНИКИ

ДАНИЛОВ
2008 год

**ДАНИЛОВСКИЕ
ХРОНИКИ**

• №2

Брошюра выпущена на средства, выделенные администрацией городского поселения Данилов.

Материалы предоставлены Даниловским муниципальным историко-краеведческим музеем имени П. К. Шарапова.

Мое детство в Данилове

Возникая порой по самым незначительным поводам и следуя одно за другим, воспоминания образуют длинную цепь, приковавшую нас к прошлому. Безразлично, с чего начать, за какое звено братья. Я живу среди книг, и книги первыми открывают мне дверь былого.

РОДИТЕЛИ

Моим отцом был Алексей Никифорович Масаинов, купец из города Данилова. Мать – Вера Александровна (урожденная Баранова) из Царского Села. Моя мать училась в Царскосельской гимназии. Она особенно любила Пушкина, не только за его стихи, которых много знала до старости наизусть, но и потому, что родилась в Царском Селе, где жила до замужества, там, где САМ он учился, и где еще были живы не только предания о НЕМ, но и люди, видевшие ЕГО своими глазами.

Одно из ее самых светлых и торжественных воспоминаний юности, которые запоминаются навсегда и потом сияют, как звезды в сумерках жизни, также связано с Пушкиным, – посещение Царскосельской гимназии Александром II. Мать вызвали отвечать, как одну из лучших учениц, и она, волнуясь, читала царю «Полтаву», память у нее была прекрасная, до седых волос она помнила: «Полки ряды свои сомкнули, / В кустах рассыпались стрелки. Катятся ядра, свищут пули, / Нависли хладные штыки...». Парадный приезд красивого царя, его блестящая свита, еще детская восторженная любовь к нему, торжественная картина сражения, нарисованная Пушкиным, и хороший прием ее чтения Александром II – все это слилось для моей матери в то светлое и радостное, что она запомнила на всю жизнь и о чем любила рассказывать в хорошие минуты. «Только я смущалась, когда читала, говорила она, – у меня была очень высокая грудь, и мне было неловко царя...».

Обычно она рассказывала об этом за шитьем в своей спальне,

Борис Масаинов.

переплете с красным корешком, с портретами Пушкина в шинели, спущенной с одного плеча, и декольтированной Натальей Николаевны, мы, дети, называли «мамин Пушкин», и все учились по ней. Куплена она была матерью уже после замужества, очевидно, в воспоминание того светлого дня.

Обычно у нас выписывалось три-четыре газеты, пять-шесть журналов, но мать их не читала и как-то не интересовалась ими. Она выписывала для себя маленькую газетку «Свет» и читала приложения к ней - романы Пазухина, Бебутовой, уголовно-авантюрные, читала, очевидно, с интересом, но не без некоторого смущения за такой сорт литературы. Потом, помню, ей нравился религиозный роман Марии Корелли «Варавва». Из классиков, кроме Пушкина, который всегда был для нее первым и неизменным, мать любила Тургенева, Гончарова, «Войну и мир» и «Анну Каренину» Толстого. Поздний Толстой с его религиозными исканиями, противными ее христианству, для нее не существовал.

когда, вероятно, однообразные, механические движения и тишина располагали к воспоминаниям. Рассказывая, она поглядывала поверх очков на меня, усевшегося с ногами в кресле, и снова склонялась к работе. Шила она как-то по-своему, на колене, положив ногу на ногу, что допускала только при работе, а вообще считала неприличным и делала замечания моим сестрам, когда они садились так. У матери были сочинения Пушкина в одном томе, выпущенные к открытию памятника поэту. Эту книгу, в коричневом

Более того, она его не любила и даже называла не по имени, а просто «этот», как иносказательно в те времена верующие называли черта, чтобы не поминать вслух имени нечистого.

К Толстому-проповеднику у нее и у отца было одинаковое отношение. «Толстовство» они решительно осуждали, считая великим грехом то, что Толстой своим учением, переделкой Евангелия как бы противопоставлял себя Христу – нашему Богу. Но это не останавливало отца выписывать для детей посмертные сочинения Яснополянского мудреца, как только они вышли. Обычно, не читая беллетристики, он читал «Отца Сергия», не соглашался с автором и говорил: «Вот Толстой умный, а дурак». Отец выписывал и покупал для нас книги, журналы, но сам был далек литературы, интересовался ею чисто случайно и тут же забывал то, чем только что интересовался. Говорить, как мать, о книгах он не мог, он ничего не знал, а то, что когда-то знал, – забыл. Он был странный, рассеянный к окружающему, внешнему человек и очень сосредоточенный на своем, внутреннем. Часто, например, за обедом, он ел и пил машинально, не слыша, что ему говорят. В противоположность матери, которая при своем постоянстве никогда не изменяла своей газете «Светику», как она ее назвала, отец читал и «Русское Слово», и «Петербургскую газету», и «Биржевые Ведомости», и «Торгово-промышленную газету». Причем, когда занимался этим дома, усаживался один под лампой в столовой или кабинете и читал до тех пор, пока не начинал дремать. Такое чтение почти всегда вызывало в нем досаду на чиновников, бюрократию, на министров. «До чего довели Россию! – говорил он, покачивая своей черноволосой головой. – Вот и придется немцам кланяться». Презирая чиновничество, он, торговый человек, верил только в торговлю, в русского купца, в промышленника. Не получив почти никакого образования, отец был убежден, что всей жизнью движет экономика. Свои торговые дела он вел успешно и, начав почти ни с чего, развил большое дело по оптовой продаже муки, чаю, сахару. Как представитель крупных торгово-промышленных фирм, он работал по всему Северу и Европейской России. Мне не понятно, как он, при своей рассеянности, мог так широко развернуть дело. Впрочем, работал отец много, весь уходя в него, и был деятелен, не сидел на одном месте, любил покупать, строиться, переименовывать, переделывать, любил лошадей и природу, соединяя в себе противоположности:

Масаинов А. Н. Фото 1916 года.

живость и задумчивость, уход в себя от окружающего, которое он же сам вокруг себя и семьи создавал. Вот он, сутулясь и глядя под ноги, задумчиво идет по улице, мчится на вороном рысаче на вокзал к поезду или сидит, откинувшись в кресле, держа пенсне двумя пальцами между стекол, а на большой лоб свисает черный клочок волос. В театрах он обычно дремал, опаздывая к началу, и не мог последовательно рассказать, что видел. Вообще он не умел рассказывать, его рассказы были отрывочны, как будто в его памяти возникали только отдельные куски.

С детьми отец был строг и рассеян, как-то не понимал их и не

умел к ним подойти. Маленький, я его боялся. Когда дети выросли, он относился к ним с живым интересом, особенно к старшим, и баловал дочерей.

В противоположность отцу, его отрывочным и сбивчивым рассказам, мать рассказывала хорошо, ясно и последовательно. Побывав в Ярославле, Вологде, Москве или Петрограде, где учились дети или жили родственники, она дома за ужином обычно рассказывала все, что ей удалось там повидать в театре или кинематографе. Нечастые поездки на курорты – в Крым или на Кавказ, на Рижское взморье, давали новую пищу ее рассказам о людях, городах, природе, но она всегда говорила: «В гостях хорошо, а дома – лучше». И, как домоседка, возвращалась домой.

Внутренний мир матери представлялся мне ясным, стройным, но холодным. Внутренний мир отца – хаотичным, земным и ярким, с провалами. Обычными слушателями рассказов матери за ужином были – я, старшие сестры и брат; отец, если и слушал, не думая о чем-то другом, то тут же все забывал.

Мать любила рассказывать особенно о том, что видела в только что вошедшем в моду кино. «Кинематограф» или «Синематограф», как его тогда называли, был нов и необычен. Матери он нравился, по-видимому, своей живостью, разнообразием, чудесным оживлением картин старинного волшебного фонаря. В нашем городе Данилове синематографа в то время не было, лишь изредка, как диковина, устраивались сеансы кем-нибудь заезжим, в клубе или зале реального училища. Я помню эти первые сеансы. Когда потухал свет, по полотну, рассыпая рваные искры, появлялось изображение издали идущего человека, все вырастая, он шел прямо на меня. Наконец, на экране оставалось только его лицо – огромное, страшное и все увеличивающееся. Я боялся, что вот сейчас оно сойдет с полотна и очутится в зале, чудовищное, раздутое до невероятности, но, заполнив собой весь экран, оно исчезало. Начиналась новая картина. Старый французский гренадер стоит на часах в треуголке, заложив одну руку за борт сюртука. Появляется император. Седоусый ветеран салютует ему ружьем. Наполеон останавливается, что-то спрашивает, хлопает гренадера по плечу и прикрепляет к его мундиру снятый со своей груди орден Почетного Легиона. Гренадер в восторге. Наполеон улыбается, зрители в умилении. Я осторожно, чтобы не сделать

перед чужими неловкости, задаю матери вопросы, она терпеливо разъясняет.

Из своих поездок мать и отец привозили нам игрушки, книги, понемногу, скромно. Они нас не баловали. Игрушки ломались, подбор книг был случаен, и я не помню среди подаренных мне книг такой, которую я бы полюбил в детстве.

НАТАША

Навсегда запомнился мне «Принц и нищий». Откуда появилась эта книга, я не знаю, ее откуда-то извлекла моя няня – Наталья Дмитриевна Пырина, или, как мы ее звали, «Пырка». Она была страстная любительница чтения приключенческих и чувствительных романов, сказок, необыкновенных повестей и, притом, отличная рассказчица. Если мать рассказывала литературно, чувствуя силу русского языка, любила пословицы, поговорки и меткое русское словцо, то Наташа рассказывала попросту, по-деревенски, утирая рот рукой, образно, переживая все горести своих героев. Прочитав что-нибудь интересное, она охотно рассказывала прочитанное, как бы возобновляя его перед своим внутренним взором и оттого получая новое удовольствие. «Принца и нищего» она часто рассказывала и читала вслух. На эти вечерние чтения в детской приходила снизу, управившись в кухне, Федоровна. Здоровенная, широкая в кости кухарка напоминала каменную бабу с кургана. Она любила выпить и держала своего седенького благообразного мужа Кириллыча в ежовых рукавицах, возвышаясь башней над его тщедушной фигуркой. Надев очки в белой оправе и спустив их на кончик носа, Наташа читала медленно, останавливаясь, и разбирая трудные слова, и отставив от себя книгу. В чувствительных местах ее голос дрожал, и на глазах показывались слезы. Федоровна подносила к глазам большущий кулак и дергала носом. Я крепился, с кровати младшей сестры раздавался голос: «Не читай больше, мне его жалко!» Она не могла слушать рассказа о терзаниях всеми гонимого принца, не давала Наташе читать, и поэтому чтение начиналось, когда она засыпала. Иногда, неожиданно проснувшись, она требовала закрыть книгу, как будто это прекращало мученья мальчика.

Прослушав несколько глав, мы с Федоровной начинали клевать носами, но Наташа, страстная читательница, не могла оторваться

от книги даже глубокой ночью. Утром она рассказывала прочитанное нам.

Еще мы читали «Пещеру Лейхтвейса» - занимательный роман о благородном разбойнике. Я не забуду этих вечеров за черным, изрезанным ножами столом, с медной лампой на фарфоровой ножке. Герои жили вместе с нами, мы их чувствовали рядом, разделяя все их печали и радости. В том тихом и мирном существовании, которое мы вели, интересная книга являлась событием, разнообразившим и наполнявшим жизнь. Наташа знала множество сказок, занимательных историй, рассказывала и пересказывала их нам с сестрой не однажды. Уже взрослый, я опять слушал ее сказки, когда Наташа рассказывала их моей дочери, и был заинтересован не меньше, чем маленькая дочь. Этот редкий дар живого воображения, перевоплощения то в бабу-ягу с грубым голосом, то в Крошуточку, тоненько попискивающего, она сохранила на всю жизнь. Когда появилась пинкертоновщина, она увлеклась ею, но всем сыщикам предпочитала благородного Шерлока Холмса, рассказывая о его приключениях в детской, а когда я очень приставал, на кухне, стряпая обед.

Ее положение в доме постепенно упрочивалось. Поступив нянкой ко мне и младшей сестре, она готовила ответственные блюда, а те, что попроще, делала кухарка. Страстью ее жизни были: любовь к нам, к книгам и бережливость. Рано овдовев, она еще молодой поступила к нам и с тех пор до глубокой старости была с нами, срослась со всей семьей, нянча не только нас, но и наших детей. Ее любовь, привязчивость к детям сказались и в том, как ей удавалось благополучно выхаживать слабых индюшат, необычайно нежных и болезненных в цыплячем возрасте.

Она была ласковая и приветливая в гораздо большей степени, чем наша мать, и в семье ее любили. Над ее слабостью и любовью к лекарствам, страхами перед несуществующими болезнями мы посмеивались, распевая сочиненный братом стишок: «Доктор, батюшка, спасите, / Смерти до смерти боюсь!»

Иногда ей хотелось съездить в свою деревню, почему-либо ее не пускали, тогда, охая и приbedняясь, привередничая, как это называли мы, она сказывалась больной и уезжала. Мать сердилась, но, соскучившись по ней, встречала Наташу хорошо. Ее возвращение несколько напоминало возвращение библейского блудного сына. Нам она привозила из деревни гостинцы -

раскрашенные ядовитой красной краской мятные пряники, твердые, как фанера, которые нам очень нравились, а вместе с ними – множество рассказов о деревенском жите-бытье, о свадьбах и смертях, о колдунах, о зимних посиделках, беседах с лучиной, за которыми девицы прядут лен, слушают сказки, а парни щелкают орехи.

После горько оплаканной смерти младшей сестры Любочки всю свою любовь Наташа перенесла на меня. Бывало, долго бежала, плача, за поездом, увозившим меня в другой город учиться, или прикрывала собой от отца и матери, когда те наказывали за какую-то провинность, и часто очередной удар, а отец ударял больно, падал на ее руки. Не имея своих детей и семьи, она быстро привязалась и любила мою дочь, как и меня. Когда родители уезжали, дом поручался ей. С ней же нас отправляли на кумыс, на дачу, и она берегла нас и хозяйскую копейку так же, как и свою, она была бережлива, собирала самые разнообразные вещи, которые выбрасывались как ненужные, и в ее сундуке и шкафу можно было найти и пахнущую нафталином конфетку, и пузырек с затейливой пробкой, кусочки кожи и булавки с бисерными головками.

Мы знали ее семью. Седобородого, стройного тятеньку в черном сюртуке, сапогах и картузе, высокую мать, которая еще в день своей смерти, 82-летней старухой, носила дрова, двух братьев, поваров Колю и Мишу, живших в Петербурге, а в особо торжественных случаях готовивших у нас, и робкую сестру Надю, похожую на ухудшенное издание Наташи, какую-то темную и коричневую, как будто сошедшую со старинной иконы.

СМЕРТЬ ЛЮБЫ

Три кровати, моя, Наташи и больной сестры Любочки, белели на голубых обоях стен. Около последней стоял маленький круглый столик, уставленный лекарствами с длинными синими и красными ярлыками рецептов. На столе, приткнутом в углу, валялись игрушки. На черном столе, изрезанном и исцарапанном перочинным ножом, стоявшем в простенке между окон, лежали нянькины очки, связанные около переносицы тонкой бечевкой, и книжка «Принц и нищий», заложенная широкой голубой лентой. В соседней, маминой, комнате старшая сестра Сима ходила за

больной Любочкой, завернутой в одеяло, и тихо разговаривала. Когда я вошел, Люба устало открыла большие серые глаза и, глубоко вздохнув, взглянула в окно. Бледное, болезненное лицо, спутавшиеся золотистые волосы и тяжело поднимающаяся грудь бросились мне в глаза, и я как будто снова увидел свою сестру, сильно изменившуюся и совсем не похожую на ту, какой я знал ее прежде. Больно сжалось сердце, и, чтобы скрыть навернувшиеся слезы, с напускной развязностью спросил: «Ну, что, брат, как ты...» Люба улыбнулась болезненной улыбкой и ничего не сказала, — нарыв в горле мешал говорить. Чувствуя себя неловко, я убежал в детскую и раскрыл окно. А вдруг она умрет? Умрет? И острое чувство жалости вошло в меня. Захотелось для нее что-то сделать, приласкать, заставить хоть на минутку позабыть о болезни. Сбежав вниз по лестнице и напивив красную кепку, я побежал в магазин к отцу. Отец сидел за большим черным столом в перепачканном мукою пальто и пенсне на большом орлином носу. Я попросил петуха с хвостом. Схватив петуха, выбежал из магазина. Дома я застал сестер в той же комнате. Люба улыбнулась, взяла в руки игрушку, повертела и, тяжело закрыв глаза, уронила петуха на пол. Время до вечера тянулось долго. Ждали маму, уехавшую три дня назад в Ярославль. Она приехала и, переодевшись, взяла Любочку себе на руки, и все время до ужина ходила с ней и разговаривала тихим голосом.

На другой день, вечером, Любу соборовали. Приходил кладбищенский священник отец Василий. Шепотом разговаривал с мамой в зале. Я, притаившись на диване, слушал. Зало было большое и неудобное. Большое трюмо отражало мебель, покрытую белыми полотняными чехлами. За окном догорал день. Последние его отблески играли на высокой белой печке в углу и на толстых тяжелых ножках рояля. Отец Василий перед образом Спасителя надевал епитрахиль. Мама что-то говорила взволнованным шепотом. Батюшка слушал, глядя вверх золотых очков, и шуршал рясой, пахнувшей чем-то особым — священническим. В спальне зажгли свечи. Маленькие желтенькие огоньки плавали в синих кольцах пряного ладана. Отец Василий спросил Любу, может ли она принять причастие. Люба кивнула. Дома все усердно молились, придавленные огромностью момента, и со страхом и надеждою поглядывали на больную. Папа и мама на коленях кланялись в ноги и долго не отнимали лбов от пола, шеи краснели и наливались

кровью, а на чистом полу появились отпечатки пальцев. Когда ушел священник, в доме сделалось тихо и торжественно. Все ждали чего-то важного. Ходили на цыпочках, разговаривали шепотом. Ужинали молча, стараясь не звенеть посудой. Медленно тянулись дни. Подавленность царила во всех комнатах. Приехали из Ярославля сестры Маня и Надя, но не внесли свежую струю в грозную атмосферу. Они сразу сделались такими же, как все. Все ждали, что обрушится что-то непоправимое и ужасное.

И этот день пришел, такой же яркий и солнечный, как все, но ужасный. В этот день, шатаясь по задним улицам, я привел белоголового мальчишку в синих с белыми заплатами портах. Звали его Митькой. На заднем дворе, на свежей зеленой траве, мы гоняли крокетные шары. К нам подошел магазинный мальчик, остановился и, помолчав, сказал: «Боря, иди наверх, Люба умерла...» Сразу интерес к игре пропал. Смутное беспокойство овладело мной. Я пошел к парадному крыльцу и в дверях столкнулся с приказчиками. Они выносили на улицу Любину кровать. «Это зачем?» «Любовь Алексеевна приказали долго жить». Все еще не веря, я поднялся и вбежал в спальню. На нянькиной кровати, сложив крестом руки поверх покрывавшей ее простыни, лежала Люба. На высоком желтом стуле, рядом с ненужными теперь лекарствами, сидел грузный и тяжелый, сразу опустившийся отец и без всякого выражения глядел на черный мячик пианино, отражающийся в лакировке пола. «Ты зачем здесь? - спросил отец. - Кланяйся в ноги, целуй в лоб». Когда мои губы коснулись уже холодного лба, я вздрогнул и попятился. Перекрестившись, я вышел, все еще не понимая, как это могло случиться. В шкафной комнате на большом диване, обитом чертовой кожей, под зеркалом сидели три сестры и плакали. Слезы, светлые и крупные, текли по мокрым щекам и светлыми капельками дрожали на искривленных подбородках. Глаза и кончики носов были красны. Я постоял и вышел. В саду, покусывая березовый листочек, задумался, и слезы хлынули из глаз. Я увидел черную, холодную пустоту и понял, что потерял. Я вспомнил про ее кукол и про то, как не дал ей поиграть своим автомобилем.

Утром с кучером Иваном Ямщиковым мы поехали на вокзал встречать сестру Веру, вызванную из гимназии телеграммой. «Умерла?» - спросила Вера, раскрывая зонтик. «Да», - сказал я, целуя холодную румяную щеку. Домой ехали молча, и никто не

вышел, как обыкновенно, нас встречать. В доме появились какие-то старушки, монашенки, шептавшие маме что-то тихим шепотом. Они глубоко вздыхали и опускали глаза в землю. Столяру заказали гроб. Сестры шили белый длинный саван. Папа, мама и я ходили на кладбище смотреть могилу. В кладбищенской площадке было две могилы – Шурочки, брата, и какой-то бабушки, которую я не помнил. Потом отец и мать сидели на маленькой железной скамейке и тихо переговаривались. Пришли попы. Служили в зале. Зеркала были завешаны простынями. Люба лежала вся белая в белом глазетовом гробу. Желтым тусклым огнем мерцали свечи около гроба. Мама, когда поднималась с колен, придерживалась за крышку рояля. Все четыре сестры стояли на коленях сзади, в дверях толпились магазинные служащие, кухарка, горничная и две няньки. Приехала из Вологды толстая и добрая тетя Луша. Мама слушала ее, а потом рассказывала в очередной раз, как умерла Любочка. «Вижу я, дело плохо, и раскрыла книгу отца Серафима, читаю о его кончине – попало, и думаю, умрет Люба. А потом проснулась ночью, темно еще было, и вижу, в углу перед киотом стоит какая-то тень и молится, кладет земные поклоны. Пригляделась – отец Серафим. Вскочила с кровати, подбежала к киоту, а там никого нет. А днем она умерла».

Утром разбудили рано. Гроб вынесли из дому. Без шапок шли в собор. Там гроб поставили на две табуретки. Отец протоиерей начал. Служили в летнем соборе, было холодно и сыро. Гулко откликались шаги. Народ толпился, ближе подвигаясь к гробу. Стали прощаться. Шли к кладбищу беспорядочной толпой. Сзади ехали лошади. В красной с белым кирпичной ограде кладбища тишина. Вокруг колокольни носятся стрижи. Тянутся серебристые паутинки, и город тонет в золотой дымке. Горят купола церквей. Ограды, памятники, кресты, белые и красные, чугунные надгробные плиты со смешными надписями. В соборе и здесь, на колокольне, звонят, уныло и тоскливо тянутся удары. Опустили гроб, в могилу стали кидать землю. Потом зарывали заступами. Домой брели нехотя, поодиночке. Попы ехали на лошадях, папа с мамой тоже. В столовой был накрыт стол. В зале отец протоиерей на ложечке подносил всем кутью. Обедало много народу. Все купцы города важно и сановито восседали за столом. Они с постными лицами говорили о поднятии цен на крупчатку. Попы жадно

чавкали, и кресты их позвякивали о тарелки. Я поднялся в свою комнату. На полу валялись обрывки бумажек, кровати были не убраны, одна штора спущена. Похоже было на то, как будто кто-то уехал. Пусто и неуютно. А на столе с игрушками тоскливо лежала маска из папье-маше.

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

Семья была большая, десять человек детей. Мы редко собирались вместе. Старшие учились по разным городам: Вологда, Ярославль, Петербург, Москва, и приезжали только на каникулы. Я плохо помню своих братьев и сестер в детстве. Промежуток между самым старшим братом и мной составлял около двадцати лет. Эта возрастная разница со старшими, и редкие приезды домой более близких мне по возрасту создавали вокруг меня пустоту. После смерти младшей сестры Любочки я рос один с Наташей и матерью. Жившие дома старшие сестра и брат были далеки.

Уже потом, когда я стал подрастать, возрастная разница между всеми нами сглаживалась, и мы стали ближе друг к другу. Почувствовали, что все мы братья и сестры. К тому времени устроилось материальное благосостояние семьи, и, съехавшись со всех городов домой, на каникулы, мы весело садились за большой, раздвинутый специально к нашему приезду стол. У каждого было свое место, тем дальше от матери, чем он был старше. Ярко освещенный стол, искры огня в стекле и фарфоре, сияние белоснежной скатерти и наше молодое оживление, почти постоянное присутствие кого-нибудь постороннего из товарищей братьев. Однажды неожиданно все дети съехались и долго жили дома, сблизившись и сдружившись между собой. Это было во время революции 1905 года. Учебные заведения прекратили занятия. Железные дороги стали. Сестер привезли из Ярославля на лошадях. Из Рыбинска, тоже на лошадях, в жестокий мороз, приехал брат Александр – после меня самый маленький в семье. Его, закутанного в шубы и платки, привезли знакомые купцы, и он, тогда пригостишка, проделав на лошадях в морозы самый длинный путь, чувствовал себя героем. Этот брат, старше меня на четыре года, был мне всех ближе, несмотря на то, что изводил и дразнил меня постоянно. Очень изобретательный на всякие проказы, насмешки и прозвища, он, напраказив, менялся

кроватями с ничего не подозревавшей сестрой.

Изнутри, на двери стоявшего в детской шкафа, было написано: «Боря боится слона». Писал Шурка крупно цветным карминовым карандашом, писал, смеялся и дразнил. Слон был большой, из папье-маше, противного коричневого цвета, шершавый. Если надавить слону на загривок, голова наклонялась, и он издавал отвратительный крик. Я боялся этого крика и ненавидел слона всей душой. Все это знали и смеялись надо мной. В конце концов, щадя меня, мать спрятала слона где-то у себя, но я помнил о нем, как о скрытой угрозе. Однажды, что-то разбирая в шкафах и комодах, за платьями и шубами мать наткнулась на слона, вытащила его и показала мне, я отвернулся и попросил его убрать. Не знаю, что побудило к этому мать, но она, улыбаясь, нагнула ему голову, и слон страшно закричал. Все во мне задрожало, и я, не помня себя, ударил мать по лицу. Чем все это кончилось, не помню. Но, видно, велик был мой страх и гнев за новое испытание, если я осмелился ударить мать.

Вся Россия в то время бурлила, но в нашем городке было тихо. Мы, дети, коротали дни и вечера за чтением. Читала вслух младшая сестра, Надежда, а мы, усевшись около стола, занимались кто чем. Мы с братом рисовали, две другие сестры что-нибудь шили. Так было прочитано много книг: и арабские сказки 1001 ночи, сказки братьев Гримм, сказки Андерсена, и какая-то привезенная отцом фантастическая повесть о «славном знаменитом Мише», и журнал «Путеводный Огонек» за несколько месяцев подряд. Наряду с чтением, мы клеили картонажи, дававшиеся как приложения к «Путеводному Огоньку» - средневековый замок, с рыцарями, закованными в латы, театр с фигурами чародея, похищенной красавицы, ее прекрасного спасителя. Самой искусной в этом деле была Надя, более других дружившая тогда с нами, младшими мальчиками. Она была колкая, востренькая девочка, и родители ее звали «звездочетом». На это прозвище она с удовольствием променяла свое прежнее - «ухват», которое ей дали в детстве за кривые от рахита ноги. Я плохо помню, какие были в то время остальные братья и сестры. Помню только, что нас было много. Мы ссорились и мирились с девочками и между собой, но все это видится неясно, как сквозь туман. Иногда нас, пятерых младших, закутав, сажали, как грибы, в ковровые

широкие сани и везли кататься. Шура садился на облучке, рядом с кучером, а я - с девчонками, страшно завидуя ему. По дороге я засыпал, а дома меня вынимали из саней сонного, смеялись надо мной, а я дулся. Еще одна забавная в памяти картина. Мы с братом Шурой сидим почему-то в столовой, а не в детской, и срисовываем с «Нивы» и с «Родины» картинки Японской войны. Вечер, над столом горит висючая лампа, мать что-то шьет тут же. Шура хорошо рисует, удачно копирует, и его рисунки довольно точно воспроизводят журнальные иллюстрации – наших солдат в лохматых папахах, скуластых японцев в белых гетрах на пуговицах. Война идет где-то на краю земли, далеко от нашего города, но мы знаем о ней. Мимо наших окон проходят рекруты с гармониями и заливчатскими песнями, а за ними плачущие матери и жены. По картинкам и разговорам взрослых мы знаем всех генералов, какой из них хороший, какой - плохой. Например, генерал Кондратенко, защитник Порт-Артура – большие усы, борода клинышком, волосы бобриком, нам симпатичен, а плешивый Стессель, сдавший эту крепость, вызывает презрение. Рассматривая фотографии генералов и адмиралов, мы щелкаем Стесселя по носу, с удовольствием выкальваем ему булавкой глаза. Нам не понятны адмиралы, кроме бородатого Макарова, которого боялись все японцы, но известно, что генерал Куропатин плох, а Линевиц, старик с седыми усами, внушает больше доверия.

Отчетливое воспоминание относится к этому времени, кроме чтений и картонажных работ, – северное сияние, редкое над нашим городом. Не зажигая огня, мы собирались в спальне родителей. За ночными зимними окнами по темному небу ходили огромные огненные столбы, казалось, в них роятся миллионы золотых, зеленых, красных, голубых волшебного переливающихся огней. На холодные стекла ложилось наше дыхание. За окнами, на горе, белел собор. Потом, в перебегающих отблесках северного сияния, мы сидели на лосевой шкуре, разбирали привезенные откуда-то отцом игрушки. И, я помню, мне страшно понравился духовой деревянный пистолет, черный, с красной ручкой. Он оглушительно стрелял привязанной к нему веревочкой пробкой.

ДОМ

Дом был – низ каменный, верх – деревянный, бревенчатый, крашенный серо-голубой краской. Зеленая крыша, две красные трубы. На каменный верх, когда строились после пожара, денег не было. В доме было восемь комнат. Две обычно пустовали. Еще были зеленое зало и красный кабинет.

Каждый дом обычно имеет свое лицо, и наш скромно, но уютно глядел на улицу из-под резных наличников второго этажа. Он не лез вперед, но смотрел основательно, чему способствовали серо-голубые железные ворота с коваными украшениями под серебро. Каждая комната имела свой особый запах, который я в детстве ощущал очень остро, даже почти по-собачьи. В спальне отца и матери, большой и высокой, но заставленной комодами и шкафами, слегка пахло туалетным уксусом, фиксатуаром и кожей мамино саквояжа, с которым она совершала свои поездки, ревизуя житебыть детей в ученье и навещая родных.

Белая комната девочек дышала свежестью, в ней было ясно и холодно, как в той банке с золотыми рыбками, что стояла на их столике.

В комнате старших братьев смешивались запахи одеколона и бриолина с легким запахом сигары или папиросы, которые иногда курил старший брат. Его одеколоном я обычно поливал свою голову, тайком докуривал сигарные окурки и разглядывал картинки в немецких иллюстрированных журналах. Журналы брат выписывал, изучая немецкий язык.

Везде по комнатам стояли шкафы, в каждой обязательно один-два, несмотря на то, что была особая шкафная, в которой жили Наташа и горничная. В ней пахло лежанкой и деревянным маслом. Везде тикали часы. Они были почти в каждой комнате и даже в коридоре над лестницей. Они звонили на разные голоса и в разные сроки. Большие часы в столовой со сверкающим маятником, который, как круглый топор, взмахивая, отсекал секунды, мелодично вызванивал каждую четверть часа. Часами командовал отец. Заводил их, налаживал ход. Они его слушались. Он делал это не торопясь, сосредоточенно, как доктор, прислушиваясь к тиканью, как бы проникая в самую душу часов.

Зимой по всему дому весело пылали и трещали печи, стреляли

Данилов. Ярославская улица. Магазин Масаинова.

красными угольками. Попахивало дымком. В деревянном жилом верху было теплее, чем в каменном первом этаже. Там, в коричневой прохладной столовой, огромная, во весь рост, икона Серафима Саровского, самого почитаемого родителями святого. Опираясь на суковатую палку, сгорбленный и строгий, в черном подряснике и скуфейке, он, не спеша, куда-то идет, повернув широкое румяное лицо прямо в комнату. Огромная икона была не только иконой, но и портретом работы его ученика о. Иоасафа, поясной портрет которого в темной серебряной раме висел неподалеку, в простенке. Отец Иоасаф – игумен Павло-Обнорского монастыря под Вологодой – был устройтелем брака родителей. Это был брак не по любви, не по расчету, а по благословию и тем не менее – счастливый. Он же раскрыл матери тайну чтения по-славянски, указав ей только два слова. Эти слова были МУКА и МУКА.

Под строгим взглядом портрета отца Серафима страшно было оставаться одному, особенно вечером. Повернешься уходить – кажется, сейчас же последуют за тобой мягкие шаги одетых в

черные чуни ног, и раздастся мерное постукивание суковатой палки по полу. Еле сдерживаясь, выходишь из столовой, а по коридору уже бежишь и духом залетаешь на лестницу к себе на второй этаж. С отцом Серафимом связан и ряд семейных преданий. Прохожие рассказывали, что по ночам, как им приходилось видеть в окна столовой и зала, выходившие на улицу, по нашему дому, в свете лампад, ходит какой-то сгорбленный старик, похожий, по их описаниям, на отца Серафима. Такой же вот старичок, как не однажды рассказывала мать, спас ее и нескольких других богомольцев от верной гибели. Она ехала в Саров, на открытие мощей отца Серафима. Дело было в распутицу. К вечеру тройка, на которой они ехали, сбилась с дороги. Лошади по брюхо ушли в воду. Тарантас заливало. Ямщик отчаялся, и мать стала молиться отцу Серафиму, а вода все прибывала. Когда все ехавшие на тройке уже приготовились к тому, что утонут, неизвестно откуда, среди моря воды, появился сгорбленный старичок с палочкой, добрел до

Первый автомобиль в Данилове принадлежал Масаинову.

г. ДАНИЛОВЪ
Преображенская улица

Данилов. Улица Преображенская.

тройки и сказал: «Куда же вы, детушки, заехали?» Взял коренника под уздцы и осторожно вывел лошадей на дорогу. Показав, как ехать, старичок незаметно пропал, растворился в сгущавшихся сумерках. «Я оглянулась, а его уже нет...», - говорила мать. Не раз виденный прохожими, старичок действительно иногда ходил ночью и по столовой, и по залу. Только это был не Серафим Саровский, а странник Саша Косматый. Раз или два в год он приходил в город и несколько дней проводил у нас, ночуя в столовой на клетчатом диване у печи. По ночам он молился, ему не спалось, и он прохаживался по столовой и залу. Саша Косматый был непосредственен, говорил громко, смеялся. Мать звал «Воронушкой», хотя она не была носатой и черноволосой. Мы, дети, обращались с ним запросто. От его черного подрясника исходил какой-то церковный запах, запах воска и потушенных свечей. Красные, синие, зеленые и голубые лампадки горели перед иконами по всем комнатам. Они внушили старшему брату поэтическую сказку о разноцветных лампадочках, которую он мне рассказывал еще в детстве.

Зеленое холодное зало с зелеными бархатными портьерами и портретом бабушки в белой с золотом раме освещалось редко, только при гостях. Иногда мать садилась за рояль и, в сумерках, играла сильно и уверенно. Любимая ее пьеса – «Молитва Девы». Может быть, она не хороша и сентиментальна, но ее музыка освещена ясными отсветами первых детских воспоминаний. Через коридор от столовой – кухня, самое оживленное место в доме, где собирались за стиркой и мытьем посуды: мать, Наташа, кухарка Маша-Ковшичек и горничная, застенчивая, с вострым носиком, Паша. Я любил торчать на кухне, где всегда был народ, весело пылала русская печь, велись женские оживленные разговоры, приятно пахло кофе, черным хлебом, русским маслом. Из теста делались разные интересные финтифлюшки. Меня не столько привлекал их вкус, как процесс приготовления. В ход пускались скалка, стаканы, рюмка и даже специальное зубчатое колесико на черной ручке. На кухне мать не разрешала оставаться, и я шел во двор, где хозяйничал Иван Ямщиков – русский, на щеках румянец, с голубыми глазами в улыбчивых морщинках, с квакающим, но приятным говорком. Он был и дворник, и кучер. В каретнике – пролетки, шарабан. На деревянных гвоздях – хомуты, шлеи, вожжи. Если сядешь в пролетку, верх которой поднят, а оглобли смотрят в потолок, кажется, что в сумерках каретника едешь куда-то в запахах кожи, лошадей, дегтя.

Иван Ямщиков, в холщовом фартуке с нагрудником, появляется то с метлой, то со скребницей. Кучер он, с точки зрения отца, плохой. Отец любит лошадей, быструю, даже бешеную езду и считает, что Ямщиков не умеет править. Мать, наоборот, предпочитает его спокойную езду. На козлах Ямщиков сидит боком, по-деревенски, хотя и пытается сесть прямо. Он насмешливо относится ко всем затеям кучеров – безрукавкам, шляпам с павлиньими перьями, английским хлыстам. Всего лучше он себя чувствует в своей поддевке, подпоясанной красным кушаком, и с кнутом в руках. Мать любит с ним поговорить, пошутить, и он любит с ней ездить.

Лошадей в конюшне три, но они меняются: рысаки, битюги, иноходцы – отец одних продает, других покупает. Постоянен один Рыжик, добродушная караковая лошадь, пользующаяся общей любовью. Он подох от старости. Однажды утром я с недоумением смотрел на распахнутую дверь его стойла, где в солнечной

полутьме с вздутым животом, вывернув одеревеневшую ногу с большим копытом, неподвижно лежал на боку наш Рыжик.

Во дворе с весны до осени шла какая-нибудь стройка. Отец не мог, чтобы что-нибудь не перестраивать, расширять, улучшать. Обыкновенно работал плотник Федор – небольшого роста, борода лопатой, в низко висящих сзади штанах. Он был известен тем, что без вреда для себя сорвался с купола церкви Николая Чудотворца, когда та строилась.

Моим ближайшим другом был кудрявый, со смеющимися глазами кровельщик Василий. Он стучал своим плоским молотком, сгибая железные листы, резал их укрепленными на колене огромными ножницами и рассказывал мне бесконечные сказки, анекдоты, любовные истории, которых мне и не следовало бы еще слушать. Рассказывая, он смеялся и становился похож на сатира, но обрусевшего, лукавого и смекалистого. Я не был так дружен с плотником Федором, но и он, советом и личным участием, помогал ловить мне воробьев, галок и ворон, причем одну ворону он поймал необычным образом. Он наступил ей прямо на хвост, когда она, напуганная мной, шарахнулась ему под ноги. Самое замечательное, что он предвидел, как шарахнется к нему ворона. Несомненно, Федор был знаменитый птицелов. Отец часто говорил ему: «Ты делай не так, а вот так». Он недоверчиво улыбался, но приходилось делать, как сказал отец, и Федор убеждался, что выходит лучше, но для него это было удивлением, так как, с его точки зрения, негодная идея вдруг приносила хорошие плоды. Но с лица Федора всегда не сходила недоверчивая улыбка, когда он выслушивал указания отца. «Ты все выдумываешь», – говорил он, сидя на бревне с топором в руках, и у него во рту, опутанном косматой бородой, как в берлоге, весело блестели зубы. А отец действительно все выдумывал, несмотря на замечания мастеров, матери, старших детей, но все, что он затевал, оказывалось, в конце концов, лучше и удобнее того, что было. Наш дом был единственным в городе с водопроводом и канализацией, первый телефон появился у нас, не занимающие места откидные лестницы, задвигающиеся в стену ставни, переговорная трубка, как на пароходе, со второго этажа в кухню. Все это было придумано отцом. Все те люди, которых мне приходилось видеть каждый день: кухарка, прозванная Машей-Ковшичек, Паша-горничная и Иван Ямщиков, не говоря уже о Наташе, и те, которые приходили время от времени, как Федор-

г. Данилов.
Кholmynская дистрикт.

Перекресток улиц Воскресенской и Ярославской.

плотник и Василий-кровельщик, они жили и работали у нас по многу лет и становились неотъемлемой частью нашего дома. К обеду все они собирались на кухне под председательством Наташи, и я пролезал между ними на лавку, чтобы вместе со всеми есть из общей чашки. Это было гораздо интереснее и вкуснее, чем в столовой. Я с удовольствием хлебал деревянной ложкой наваристые мясные щи или подававшееся на третье молоко с крошечным в него черным хлебом. И обед, и простые, понятные разговоры про работу, деревню, дождь и ведро, открытое радушие обедающих и такое внимание ко мне, как будто я был голодающим, мне нравилось, хотя и смущало. После обеда кухня пустела. Возможности для моих игр были широкие – сад, огород, три переходящих один в другой двора. На втором и третьем дворе были кладовые, поленицы дров, под крышей стояли телеги, тарантас, потом опять поленицы, ящики, бочки из-под фруктов, рыбы, сахара с деревянными и железными обручами, которые так хорошо катать. Среди нагромождения ящиков и бочек можно было беспрепятственно играть в прятки. Ни одно из строений не было

старым, но и не было новым. Просто все они содержались в порядке, также и в комнатах ничего не было ветхого или нового, везде было чисто, эта чистота была неотъемлема от внутреннего достоинства дома, также незаметного с первого взгляда. На втором дворе сидел на цепи громадный золотистый ньюфаундленд Полкан, добродушный и спокойный, на котором я, уже кончая реальное училище, ездил верхом. Ночью Полкан бегал между первым и вторым двором по натянутой проволоке. Дом спал, и в комнатах, в тихом мерцании разноцветных лампад, витал дух дома. Этим духом был порядок и покой.

ГОРОД

Город стоял на косогоре. Зеленый, весь в садах. Над зелеными крышами, если смотреть издали, вставал белый пятиглавый собор. Городок небольшой, тихий, расположенный на старом архангельском тракте на небольшой реке Пеленде. О реке в описании города сообщалось: «Вода в той реке для пользования

Данилов. Река Пеленда.

людей непригодна и употребляется только для скота». Но мне не приходилось видеть, чтобы коровы, лошади или овцы пили речную воду. В реке полоскали белье и купались, не боясь противных черных пиявок.

Близко к городу подходили сосновые и еловые леса, тянувшиеся кругом на много верст. Недалеко от города, в лесу, были родники с чудесной водой, бежавшей в прозрачные бочаги с песчаным дном. Город насчитывал более трехсот лет. Впервые он упоминается в «Книга глаголемая российских святых» под 1562 годом, когда «... Св. блаженный Илия Христе ради юродивый, иже в Даниловской слободе в монастыри преставился в лето 7100». В никоновской летописи о тушинском воре под 1608 годом сказано: «...грех ради наших, тот острог /Данилов/ взяша и многих черных людей побиша...», и, может быть, черепа этих побитых людей я находил потом в песочной яме под городом. Город Данилов упоминает Карамзин в двенадцатом томе «Истории государства Российского».

Герб города утвержден в 1778 году и описан при этом так: «Щит разрезан вкось пополам, выходящий из поля шахматного в серебряное с зеленым поле медведь доказывает, что город сей принадлежит к Ярославскому наместничеству». Несмотря на трехсотлетнюю историю, город не был ничем знаменит, и никаких замечательных древностей в нем не было. Самая старая из четырех церквей была построена в первой половине семнадцатого века. Знаменитых граждан за три века город не произвел, но зато уважаемые граждане в нем жили и благоденствовали. К 1900 году в этом тихом городе было около 5000 жителей обоего пола. На улицах города тихо и мирно. Редко продребезжит по булыжнику телега. Купцы у своих лавок щурятся на солнце. Не спешат прохожие; раскачивая огромный чайник, подтанцовывая, пробежит в трактир мальчишка из лавки за кипятком. На ступеньках гостиницы с кнутами в руках, с загорелыми разбойничьими лицами сидят гонилы-ямщики, курят, сплевывают, ждут okazji, а между ними растрепанная Дуня с мокрыми губами. В гостином дворе на белых квадратных столбах тихо. Купцы прохаживают от лавки к лавке, перекидываются словами, останавливаются, привалившись у столбов, глядят на улицу. На вышке деревянной каланчи ходит пожарный, смотрит кругом – не видно ли где огня, дыма или какого не порядка. Бродят

куры, иные сидят посреди улицы, купаясь в пыли. Изредка покажется свинья или коза. На заборах сидят ленивые кошки, а в листве задорно чирикают воробьи. По субботам мели улицы, поднимая облака пыли. С вениками ходили в баню, а вечером сидели на лавочках, чинно сложив на коленях руки и оборачивая один большой палец около другого. Особенно живописны в таком виде были старики – чистенькие, беленькие, в черных сюртуках и картузах. Сидит такой старичок на лавочке под сиренью вместе со своей старухой, белобородый, беловолосый, как лунь, а глаза еще живые, смотрит на улицу, слушает замирающие звуки дня, и такой мир, тишина и благодать исходит от этой пары! По воскресеньям купцы ездили кататься, гонялись по городу, показывали лошадей, упряжки, жен. Выезжал Сашка Ефимов на серой в яблоках, сам худой, длинный, жена как квашня, с бриллиантовой брошкой; пролетал на вороной Никеров, седой, маленький с ястребиным носом; на карем, неспешно, проезжал подозрительный злой Федька с длинной женой, похожей на обиженную индюшку. А у калиток сидели на лавочках и стояли зрители, обсуждая и прикидывая, у кого сколько денег и где они спрятаны. К вечеру стаей показывались велосипедисты.

В клубе чиновники, купцы и заезжие помещики крупно, и не без скандалов, играли на биллиарде и в карты. Свои и заезжие знаменитости ставили спектакли, молодежь танцевала вальсы и кадрили. Там же устраивались встречи Нового года с обильными возлияниями. Например, всему городу было известно, что под Новый 1910 год аптекарева сестра допилась до того, что потеряла туфлю. А одна из Новогодних встреч кончилась тем, что часть встречавших под утро ушла домой, заперев за собой с улицы все двери и, для верности, привалила к ним бревна, приготовленные для телеграфных столбов. Поэтому, даже протрезвев, оставшиеся не смогли выбраться из клуба. К счастью, среди них оказался исправник. Он не растерялся и позвонил по телефону на пожарный двор, выругался, и пожарники выпустили, наконец, питухов на волю. Среди ряда уважаемых граждан был Вася Рубликов, толстый, улыбающийся, румяный, купец второй гильдии, с черной вьющейся бородой. Он только что перевел все свое имущество на жену, объявив себя банкротом, отсидел, что полагалось, в долговой тюрьме, не потеряв ничего из своего имени, и мирно пользовался благами жизни. Два брата – чудака: Василий Федорович, бритый,

с. ДАНИЛОВ
Воскресенская улица

Данилов. Воскресенская улица.

с красным носом, был городской голова, любил выпить, поухаживать за дамами. Иван Федорович, его брат, слыл местным Эдисоном, провел в городе телефон, мечтал об электричестве, синемамографе. Братья были холостяками, жили отшельниками. Купцы, которые побогаче, также относились к уважаемым гражданам, хотя их звали не по фамилии, а попросту – Сашка, Митька, Васька, Федька, несмотря на то, что им было по шестьдесят и более лет. Чем объясняется эта непочтительность? Может быть, тем, что старики знали их еще мальчишками, или завистью к их деньгам?

Городок был чистый, с прямыми улицами, в большинстве деревянный. Ветхих, разваленных хибарок в городе не было. Несмотря на 300-летнее существование, город был только что отстроен после страшного пожара, который пожрал его почти весь. Пожар начался за нашей баней у соседей, варивших варенье. Было сухо и ветрено. За соседским домом занялась наша баня, а там и пошло! Пожарная бочка, въезжавшая к нам во двор, зацепилась за тумбу у ворот и рассыпалась. Что могла поделывать пожарная

команда, оборудованная такими бочками, с жарким океаном неудержимо разбушевавшегося огня? Стихия проснулась во всей своей силе и мощи, и жители растерялись перед этим ужасом, вытаскивали свое имущество из домов, выводили плачущих детей. Наша бабушка Татьяна выбежала из дома с заслонкой от русской печи, в полной уверенности, что вынесла из огня икону Казанской. Из города, полыхавшего огнем, имущество тащили на окраины. На обсаженной вековыми березами большой дороге – от города до кладбища – стояли кровати, шкафы, пальмы и фикусы, комоды, столы и стулья. На узлах сидели погорельцы. Везде бродили дети, потерявшие в суматохе родителей. Из города летели огненные галки, доносился рев огня, и вся эта картина странно отражалась в зеркалах, стоявших тут же. За пожаром началась гроза. Огонь небесный соединился с земным. Мои братья и сестры бродили среди чужих вещей, пока их не подобрал кладбищенский священник. От него их увезли в монастырь к игуменье. Проезжая мост через реку, они, наконец, увидели отца и мать, направляющихся пешком в монастырь. Отец и мать были

Данилов. Оптовый склад "Северная Бавария".

Данилов. Торговая площадь.

подавлены несчастием, и мать, указав отцу на кучу бледных голодных ребятишек, сидевших в чужом тарантасе, сказала: «Вот все, что у нас осталось». Меня еще не было на свете, все это мне рассказывали братья и сестры. С течением времени город, уничтоженный пожаром, отстроился, наше имущественное положение восстановилось, но страх пожара в семье, особенно у матери, которая не могла без замирания сердца слышать ревущую сигнальную трубу, остался навсегда. Я тоже не мог равнодушно слышать заунывный вой ревуна и со страхом взирал на огонь и зарево, случавшихся в городе пожаров.

Иногда в городе устраивались гулянья. Летом - у пруда под липами в середине города. А в начале лета - за городом, под елями, куда стекалось не только городское население, но и жители окрестных деревень. Женщины в новых цветастых стоящих колом платьях, мужчины в сапогах и галошах, с гармониками.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

11 февраля 1900 года на свет появился красный кусочек мяса, отчаянно оравший на всю спальню, погруженную в сероватый полумрак. Если бы я сейчас взглянул на этот момент, то не узнал бы самого себя. До сих пор, как силось вспомнить мое появление в мир суеты и вечных тревог, это мне не удается. Моим братьям и сестрам, которых было уже 7 человек, торжественно объявила старая сморщенная, как печеное яблоко, нянька с мелкой сетью морщин на добром старушечьем лице: «Вот, детки, бабушка Серафима из Царского Села братца вам в ящичке прислала». Старший брат и сестра отлично понимали, что это за ящичек, и усмехались, глядя на старуху, сидящую с вечным чулком, надетым на деревянную ложку. Младшие торопливо шмыгали по лестнице и на цыпочках входили в холодную большую комнату, со страхом и любопытством оглядывали непонятный ящик, стоявший под черным роялем слева, тихонько, чтобы не шуметь, шли наверх. В детской, сбившись к кучу, шептались: «...А как он не задохся? Дырки проверчены были...». За окном небо холодно зеленело. Снег синел, и был вечер. Детей водили к маме в спальню. Мама лежала на кровати и слабо улыбалась. В спальне было душно. Пахло лекарствами. Около кровати сидела какая-то женщина. Когда меня показали братьям и сестрам, те со страхом и завистью внимательно осмотрели со всех сторон чудовище, приехавшее в ящичке с дырками из неизвестного далекого Царского Села.

Помнить себя я начал лет с четырех. Эти первые впечатления лишены последовательности. Это разрозненные впечатления, как отдельные, не связанные между собой картины волшебного фонаря. У меня было смутное сознание, что я уже был, а все окружающие люди и вещи существовали всегда и будут вечно. Мать и отец были всегда и всегда будут. Я еще не замечал изменений окружающего. Мой опыт был слишком мал. Меня поразила смерть младшей сестры Любочки, но это казалось случайностью. Я знал, что все мы умрем, но, как и взрослые, не придавал этому значения. Полагая, что игрушки также должны жить вечно, я огорчался, когда они ломались. Я их берег, обращался осторожно, привыкал к ним и любил их. Я тянулся к приятным симпатичным людям, хотел им нравиться и хотел, чтобы они меня любили. Привыкнув к немногим окружающим меня лицам, очень

остро, всей кожей, воспринимал особенности чужих людей. Уродство вызывало во мне отвращение. Люди были похожи на зверей, рыб, домашних животных. Я обонял и различал домашние и чужие запахи, мамину шубу на беличьем меху - только по легкому, совсем особенному ее запаху, слабому аромату духов, меха и чего-то неуловимо приятного, я бы нашел ее носом в ворохе других шуб. Безусловно, верил в слова, обещания и, тем более, произведения печати. Если мне говорили, что до такого-то места десять шагов, я не мог понять, зачем меня обманули, когда шагов оказывалось больше. Увидев в Ярославле цирковую афишу, умолил мать свести меня в цирк и был поражен, когда в цирке не увидел и десятой доли того, чем соблазняла афиша, хотя выступал сам Владимир Дуров. Я всегда запоминал то, что мне говорили взрослые. Я не все понимал, что мне внушали. Иногда отец привлекал меня к себе и, поставив между колен, выговаривал за шалости. Он говорил: «Мы тебя любим, лелеем, а ты шалишь». Я не знал, что такое «лелеем», и думал, что это связано с лейкой, из которой поливают цветы. Такие уговоры, взывавшие к разуму, были скучны и непонятны, хотя отец пытался вложить в них всю свою душу.

Когда я научился читать, старшие сказали: «Читай больше, будешь умным». О читающих людях дома говорили с уважением, и я стал стараться. Я читал неинтересные повести в журналах. Мне не нравилось такое чтение, но так как это было освящено авторитетом взрослых, я думал, что глуп и ничего не понимаю. Какая-нибудь расхваленная старшими книга казалась мне совсем неинтересной, и я во всем обвинял только себя. Глуп и ничего не понимаю. Непонимание восторгов касалось не только книг, но и людей, природы, вещей. Я старался понять, что же именно им нравится, и не понимал. Хотел быть как все, и не мог, и думал: «...Вот подрасту, и буду дурак». В настоящем мне мешали страхи. Я боялся отца, которого совсем не знал, докторов, пахнувших аптекой и табаком, с грубыми лапами. Я был очень домашний, все эти страхи возникали во мне, возбуждаемые старшими братьями и сестрами: меня дразнили за веснушки, стращали солдатчиной, пугали наказаниями отца, рассказами о докторах-живодерах. Если бы они знали, какое у меня воображение, думаю, не делали бы этого.

Я вспоминаю, как в саду, у большой клумбы на ярком солнце,

собралась вся наша семья. Пришел фотограф с ящиком на ножках и медным глазом, мать взяла меня на руки, дала игрушку, показывая на медный глаз, сказала: «Сейчас вылетит птичка». Все вокруг притихли. Птички почему-то не было, вскоре все снова зашумели и стали расходиться. Моим любимым удовольствием было смотреть на птиц. Я восхищаюсь этим зрелищем и не понимаю равнодушия сестер. Я любил ходить к любителю кур, нашему соседу. Я зову его «Трехгорным». Он был председателем трехгорного пивоваренного завода в нашем городке. У него были чистопородные куры, и я ходил к нему ими любоваться.

Жизнь с сестрой Любочкой я помню плохо. Задушив башлыками, нас водили гулять. И Люба, и я часто хворали. К нам приходил Любин приятель - седой, в золотых очках и сером костюме, доктор Тельтовт с красным лицом и крысиными глазками. Летом в фуражке с белым верхом и с зонтиком он совершал прогулки по полотну железной дороги. Он любил часы и, очевидно, разбирался в них лучше, чем в больных. Так или иначе, Люба умерла от дифтерита, когда лечил он. В этих картинах прошлого я сам для себя - как посторонний мальчик. Более ясное и последовательное пришло позднее, когда началось детство. Ясность мира и ощущений я почувствовал после болезни. Я тяжело болен воспалением легких. Жизнь моя внушает опасения, и меня соборуют. Отец Василий медленным голосом нараспев говорит что-то в нос и ставит мне миром крестики на руках и ногах. Я, голоногий, в чистой рубахе, стою на коленях на маминой кровати. В углу золотая икона, а на отце Василии длинный передник с выпуклыми золотыми крестами. Горят восковые свечи. Мне щекотно от прикосновения кисточки с миром. Отец и мать тут же. Они смотрят тревожно. Я чувствую себя ясно и с интересом наблюдаю за церемонией. Задаю отцу Василию вопросы. Очевидно, в моей болезни наступил перелом. После я лежу в своей кроватке, тело мое отдыхает, и я засыпаю спокойным сном. Просыпаюсь, в спальне никого. Когда это было и сколько мне лет, не знаю, но спальня родителей, соборование - все это связано и живет в памяти.

Лето приходило ярким солнцем, теплыми сквозняками открытых окон, горячим чириканьем воробьев и шумом ожившего дома. Все дети приезжали на каникулы и были, казалось, везде. Размеренный ход жизни нарушался, но часы сбора за столом соблюдались по-прежнему. Хотя одно присутствие живой оравы

само по себе было уже нарушением всех обычных норм. Летом начиналось мучение сестер. Они помогали варить варенье. День за днем они перебирали и чистили ягоды. Варенье варилось пудами и заходило с года на год. И выстаивалось в подвале по много лет. Местные ягоды и фрукты чередовались с экзотическими. Два года подряд всех детей возили на кумыс. Это было длинное путешествие. По железной дороге надо было доехать до Ярославля, потом на пароходеплыли до Самары, а дальше, на лошадях, до степного санатория. Я увидел широкую Волгу, шумную ярмарку в Нижнем, зеленые Жигули. Темно-серые от пыли верблюды, которых я увидел за Самарой, произвели на меня большое впечатление, как существа, принадлежащие совершенно другому миру. Кумыс оказался не таким противным, но, когда никто не видел, я с удовольствием поил им землю. Санаторий в степи был как оазис. В густых ивах текла глубокая Самарка, кишущая рыбой. Мы ловили ее на крючки из согнутых булавок. Дичи было множество. Коричневых чирков, черно-белых пигалиц и других птиц. Там впервые я увидел тутовое дерево и хохлатых удонов. Эти поездки расширили видимый мной мир, но больше оказали внешнее, чем внутреннее влияние.

Жизнь дома, в городе, протекала размеренно. В восемь часов я одевался в синие шаровары, курточку, сапоги. Начинаясь день с чая с матерью и сестрой в большой прохладной столовой. Потом шел в детскую, где часа два был один и где мог играть. Игрушки я берег, никогда не ломал. Огорчался, если они ломались сами или в чьих-нибудь руках. Читать сам не любил, предпочитая слушать чтение матери или Наташи. Мне нравилось и доставляло удовольствие разучивание некоторых стихотворений. Тут был «Деревенский сторож» Огарева, и «Реченька» Цыганова, и «Среди долины ровные» Мерзлякова, и «Детство» Сурикова. Когда читал сам, меня больше всего мучило, что прочел мало страниц, это тогда мне казалось главным.

Для подготовки в реальное училище меня определили к доставшейся мне по наследству после братьев и сестер учительнице. Ее звали Елена Анатольевна Дискант. Она научила меня азам трех основных премудростей: русского, арифметики и Закона Божьего. Поняв секрет сложения букв, у себя дома на полу из квадратиков подвижной азбуки я выложил свое первое слово, это было «ДУРА», и побежал хвастаться кровельщику Ваське.

Учился я без радости и особых огорчений, бессознательно, совсем не представляя себе тот сладкий плод, который венчает ее горький корень. Дискант была требовательна и заставляла меня повторять уроки по несколько раз. Я злился, но приходилось подчиняться. До сих пор помню, с какой ненавистью снова и снова читал ей велух «Добрый день Степана Михайловича Багрова» и ненавидел и ее, и старика Багрова, и Аксакова. То же было с письмом и арифметикой. По дороге к Дискант и обратно с ранцем за плечами я зевал по сторонам, перебежал несколько раз улицу, простаивал у окон лавок. Об этих безобидных вольностях матери рассказывали проходящие мимо прохожие. И, когда мать выговаривала мне за это, я верил, что мать, даже сидя дома, все видит. После Дискант меня передали Ивану Никифоровичу Афонину. Не помню, как меня учил Афонин, но к поступлению в реальное училище я был подготовлен.

С тех пор прошло очень много лет.

Купечество Ярославской губернии в конце XVIII - начале XIX веков

МЕСТО КУПЕЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Купечество как сословие начало формироваться в начале XVIII века. Пётр I, стремясь регламентировать, по возможности, все стороны жизни русского общества, не мог не обратить внимания на упорядочение торгово-ремесленного населения. Для этого он повелел всех горожан, за исключением духовенства, иностранцев и "подлых людей" (чернорабочих, поденщиков), разделить на две гильдии (слово "гильдия" немецкого происхождения и означает "сообщество", "корпорация"). К первой гильдии были отнесены банкиры, "знатные купцы, которые имеют отъездкие большие торги, городские доктора, аптекари, пекари, шкиперы купеческих кораблей, золотари, серебряники, иконники, живописцы". Ко второй гильдии - те, "которые мелочными товарами и харчевными всякими припасами торгуют, рукомерленные, резчики, токари, столяры, портные, сапожники и сим подобные". В середине века выделилась третья гильдия.

Петровские реформы положили начало юридическому обособлению купечества из среды посадского населения.

Реформы Екатерины II выделили купечество из основной массы городского населения, получившего наименование "мещане". Купцы получили большие, чем у мещан, привилегии: в отношении их

Даниловский купец Разживин с женой и детьми.

были отменены подушные подати, рекрутские наборы, появилась возможность получить дворянство, а с 1832 года – почетное гражданство.

Спецификой российской сословной системы была незамкнутость рамок купеческого сословия. Статус купца был не только не наследственным, но и не пожизненным: он зависел исключительно от наличия декларируемого капитала.

Занятие торговлей или промышленностью не было непременным условием принадлежности к купечеству. Купец мог не торговать, а торговать мог и не купец (крестьянин, мещанин). Принадлежность к этому сословию достигалась путём взятия купеческого свидетельства первой, второй или третьей гильдии (с 1863 года третья гильдия упразднена) и утрачивалась в случае его невозобновления.

До конца девяностых годов XIX века крупная предпринимательская деятельность законодательно соединялась с купеческим сословным состоянием. Но после принятия в 1898 году закона о государственном промысловом налоге прекращается прямая связь между покупкой промыслового свидетельства на предпринимательскую деятельность и получением купеческих документов. Последнее становится исключительно добровольным, что привело к быстрому сокращению численности купечества. Важнейшим преимуществом, сохранявшимся для купцов в начале XIX века, была паспортная льгота, избавлявшая их от необходимости прописки. Кроме того, лицам иудейского вероисповедания получение купеческих свидетельств давало право на жительство вне черты оседлости, чем евреи особенно стали пользоваться после первой русской революции с её страшными погромами.

Постепенно купеческое звание всё больше превращалось лишь в атрибут предпринимательской традиции. Это вело к тому, что не все крупные торговцы, промышленники и финансисты приобретали купеческие сословные свидетельства, предпочитая носить более престижное звание потомственных почетных граждан (привилегированное сословие, введённое в 1832 году с целью прекратить доступ в дворянство купцам, награжденным орденами, и сохранить у них стимул к общественной и предпринимательской деятельности). Таким образом, сословные границы размываются, а на смену сословному делению общества приходит классовое.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСТВА ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Основной сферой вложения купцами своих капиталов были торговля и промышленное производство. Чем более выгодным, с точки зрения коммерции, было положение города, тем более многочисленным и богатым было приписанное к нему купечество.

Общий подсчет капиталов по губернии за разные годы показывает следующие тенденции. В первые два десятилетия XIX века количество объявленных капиталов сильно сократилось. Причем процесс начался еще в XVIII веке и был в большей степени связан с неоднократным увеличением ставки с минимального капитала для разных гильдий, а также увеличением взимаемого налога, составлявшего фиксированный процент с объявленной суммы. Так, в 1775 году для гильдий были установлены следующие минимальные ставки: для первой - 10000 рублей, для второй - 1000 рублей, для третьей - 500 рублей.

В 1785 году необходимый капитал был увеличен для второй и третьей гильдий соответственно до 5000 рублей и 1000 рублей. В 1794 году для записи в первую гильдию уже нужно было иметь 16000 рублей, во вторую - 8000 рублей, в третью - 2000 рублей. В 1807 году эти суммы составляли соответственно 50000, 20000 и 8000 рублей.

С 1782 по 1795 годы из купечества города Ярославля вышли в мещане "по неимению капитала" 125 семей, в то время как вновь записались в купцы 64 семьи. С 1795 по 1811 годы перестали объявлять капиталы 246 семей, в то время как причислились к купечеству лишь 66. С 1811 по 1816 годы ярославское купечество сократилось на 43 капитала, а пополнилось лишь на 25.

Таким образом, в 1811 году в купечестве Ярославля осталось лишь 163 семьи (в 1782 году было 319 семей).

В общем по губернии с двадцатых годов XIX века численность купечества стала увеличиваться, что было связано с записью в него представителей других сословий, в первую очередь мещанства и крестьянства, и обуславливалось, в основном, подъемом торговли.

Но в разных городах этот процесс начинался неравномерно. Так,

в Ярославле постепенное увеличение численности купечества началось уже в 1805 году. В Рыбинске же пик сокращения объявляемых капиталов падает примерно, на 1820 год. В Угличе количество купцов за первые двадцать лет XIX века уменьшилось очень резко (со 191 до 88). В Ростове подобный процесс происходил несколько мягче. В целом же выявленная тенденция была характерна для всех городов Ярославской губернии.

Единственным исключением из общей тенденции является Молога, где в первое десятилетие XIX века наблюдалось значительное увеличение купечества (с 20 до 44), но к 1820 году происходит сокращение до 21 капитала.

Сокращение численности купечества связано с тем, что первые десятилетия XIX века были трудным временем для экономики России. Континентальная блокада ударила по внешнеэкономическим связям, активное участие в которых принимали купцы-скупщики сельскохозяйственной продукции (в первую очередь, хлеба). Внутренний товароборот был нарушен войнами и разорением армией Наполеона значительных территорий, в том числе Москвы, крупнейшего внутреннего рынка России.

Затем начался повсеместный рост купечества. Ранее всего этот процесс проявился в Ярославле, где количество объявляемых капиталов стало расти с 1805 года и к 1825 году достигло 224. В Рыбинске и Угличе подъем начался примерно с 1820 года, в Ростове - с 1830 года.

Подъем был связан со стабилизацией экономики России. Покровительно-запретительный тариф 1822 года способствовал защите отечественной промышленности от конкуренции с иностранной продукцией, что вызвало укрепление и развитие местного производства. Устройство Мариинской и Тихвинской системы каналов увеличило значение верхневолжского региона, особенно Ярославской губернии, в торговле с Санкт-Петербургом. Заметно проявилось это в росте хлебной транзитной торговли, а также её обслуживании, то есть в тех отраслях, где было задействовано много местных купеческих капиталов. С другой стороны, развитие российской промышленности, особенно легкой, и в том числе крестьянской, способствовало наполнению рынка отечественными товарами, в сбыте которых купечество играло ведущую роль. Оживление внутренней торговли, торговля с границей, посте-

пенный рост товаризации сельского хозяйства, развитие транспорта и путей сообщения - всё это в целом сказывалось на динамике численности купечества.

Прилив капиталов в купечество в 1825 году связан с гильдейской реформой Канкрин 1824 года, разделившей промышленность и торговлю на шесть разрядов. Это вынудило мещан - владельцев коммерческих предприятий - записаться в купечество. Но незначительность оборотов подобных заведений не позволила их владельцам сохранить этот статус в последующие годы.

Выход из этого кризиса в Ярославле начался в сороковые годы XIX века, особенно резко - в промежуток между 1846 и 1850 годами, когда количество объявленных купцами капиталов увеличилось со 159 до 2339.

Шестидесятые годы XIX века - переломные в истории купечества. Во-первых, гильдейская реформа сократила количество гильдий до двух, что способствовало выходу из купечества малосостоятельных семей. Во-вторых, военная реформа, отменившая рекрутские наборы, привела к тому, что прекратилась практика записи в купечество небогатых семей, которые ранее собирали все свои деньги, только чтобы заплатить гильдейскую пошлину и тем самым обезопасить членов своей семьи от записи в солдаты.

Открытие железных дорог, развитие парового транспорта способствовали сосредоточению во второй половине XIX века экономической деятельности в крупных транспортных узлах - в Ярославле и Рыбинске, другие города губернии теряли своё экономическое значение, и численность купечества в них сократилась.

Самый сильный удар купечеству нанёс закон 1898 года о государственном промысловом налоге, отделивший коммерческую деятельность от необходимости брать сословное свидетельство, что привело к сокращению купечества. Важнейшим преимуществом, сохранившимся для купцов в начале XX века, была паспортная льгота, избавлявшая от необходимости прописки.

Постепенное превращение купеческого звания лишь в атрибут предпринимательской традиции вело к тому, что не все крупные торговцы, промышленники и финансисты приобретали купеческие сословные свидетельства, предпочитая носить более престижное звание потомственных почетных граждан.

Количество представителей высших гильдий в этот период увеличивалось. Количественный состав крупного ростовского купечества до 1860 года был стабилен, испытывая тенденцию к некоторому увеличению, в основном, за счет разделов. Но к 1870 году число купеческой элиты сократилось с 20 до 4 семей, что было связано с тем, что местные почетные граждане перестали объяв-

лять капиталы. А к 1917 году в ростовской купеческой верхушке осталась лишь одна семья.

В Рыбинске количество капиталов, объявленных по высшим гильдиям, к 1860 году достигло 19 и до 1917 года колебалось от 10 до 20. Ярославская купеческая элита была самой многочисленной среди городов губернии (в 1910 году - 43 капитала первой гильдии).

Таким образом, численность купечества и его высших слоёв не была постоянной, отражая те процессы, которые происходили в России.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Если рассматривать деловую активность предпринимателей Ярославской губернии, то можно заметить, что экономическая специфика каждого из городов самым непосредственным образом влияла на занятия купечества, определяя как его направленность, так, во многом, и масштаб. Предприниматели разных городов имели различные возможности в накоплении капиталов, а деловые традиции города во многом определили направленность коммерческой деятельности его жителей.

В географическом отношении все города Ярославской губернии можно подразделить на три типа. Во-первых, это поволжские города, основной доминантой экономического развития которых являлась Волга, как крупнейшая транспортная артерия России. Это города Ярославль, Романов-Борисоглебск, Рыбинск, Молога, Мышкин, Углич. Во-вторых, это заволжские города - Любим, Данилов, Пошехонье, характеризующиеся достаточно слабым экономическим развитием. В-третьих, это Ростов и Петровск, на экономическое положение которых влияло наличие Ростовской ярмарки.

ЯРОСЛАВЛЬ

Ярославль был наиболее экономически развитым городом в губернии. Крупная промышленность сочеталась в нём со значительной торговлей.

В 1800 - 1805 годах в первой и второй гильдиях Ярославля были

представители двенадцати семей: 7 из них имели промышленные заведения. В это количество входили: три владельца шёлковых предприятий - А. Красильников, А. Морозов, П. Желутков; два кожевника - А. Протасов и С. Сорокин; Оловянишниковы, владевшие медным заводом, и Кузнецовы-Баладины, владельцы железорезательных заводов. В 1810 году в купеческую элиту Ярославля вошли владелец купоросного завода А. Кропин и кожевника - Г. Луховитинов.

Чем же торговали ярославцы в конце XVIII - начале XIX веков? Источники сообщают, что "купцы и мещане торгуют: шелковыми, полотняными, шерстяными, суконными, кожевенными и овощными товарами, серебряною, медною и оловянною посудой, медными колоколами, деланным и неделанным железом и разными съестными припасами".

Что касается хлеба, то на рубеже XVIII - XIX веков он был лишь одной из статей торговли, причём не самой важной. 12 крупнейших купцов Ярославля 1800 - 1805 годов в "верющих письмах" - доверенностях приказчикам - ни разу не упоминали хлеб. В то же время из текста этих доверенностей можно узнать, что пятеро купцов торговали разными текстильными изделиями (и со своих мануфактур), в том числе на Макарьевской ярмарке. Владельцы кожевенных заводов (С. Сорокин и А. Протасов) сбывали продукцию в Санкт-Петербург и Ригу. Ф. Москательников - на Макарьевской ярмарке занимал лавки в медном и колокольном ряду. А. Протасов вел торговлю в Оренбурге "азиатскими товарами".

Ассортимент продававшихся одним купцом товаров часто был достаточно широк, чтобы возможные убытки от продажи одних товаров покрывались за счет прибыли от торговли другими. Так, владелец шёлковой мануфактуры П. Желутков торговал, кроме продукции своего предприятия, солёной рыбой и бумажными тканями.

С 1810 года начинается оживление хлебной торговли. 9 купцов торговали хлебом, закупаая его в "низовых местах" и отправляя, в ряде случаев на своих судах (Кузнецов-Баладин, Оловянишников, Плохов, Пастухов), в Ярославль, Рыбинск, Архангельск, Ладогу.

9 купцов элиты Ярославля торговали продукцией лёгкой промышленности (тканями, шапошным, чулочным, рукавишным товарами, в том числе в Вологде (А. Соболев, А. Красильников, И.

Лисенков), на Макарьевской ярмарке (И. Свойкин, Г. Луховитинов, А. Красильников), в Архангельске (Н. Флягин), а также в Ярославле. Двое (А. Кропин и Е. Колотилов) торговали на Макарьевской ярмарке москательным товаром. Тот же А. Кропин и Ф. Москательников продавали пушнину (первый - на ярмарке в Вологде). На Макарьевской ярмарке железом и изделиями из него торговали, как минимум, три представителя ярославского купечества, а П. Оловянишников продавал там медные и оловянные изделия. Матвеевские активно торговали через Оренбург "азиатскими товарами". Кроме этого, в ассортимент продававшихся крупными купцами товаров входили рыба, пенька, виноградные вина, сахар, кофе, кожи, скот и т. д.

К середине XIX века в купеческой элите Ярославля численно торговцы стали значительно преобладать над промышленниками, а последние активно занимались торговлей, часто не связанной с производством, в первую очередь - хлебной продукцией.

На втором месте в торговле стояли ткани. Ими торговали 10 купцов. Самыми ходовыми были: "красный товар" (низшие сорта хлопчатобумажных тканей), сукно, суровский товар (шёлковые изделия) и панский товар (шерсть и высшие сорта хлопчатобумажных тканей). Кроме тканей, "краснорядцы" торговали чаем, сахаром, кофе.

Овощным, москательным и бакалейным товаром в середине XIX века в Ярославле торговали 24 купца и 13 мещан, железом и медью - 12 купцов и 13 мещан. Крупнейшими торговцами железом были Пастуховы, которые с середины XIX века начали вкладывать деньги в металлургическую и железоделательную промышленность. Оловянишниковы торговали медными изделиями, в том числе колоколами.

8 купцов занимались винной торговлей. Крупнейшие виноторговцы - Соболевы.

Ярославль был крупнейшим поставщиком белил в стране. В 1881 году 10 предприятий производили химическую и красочную продукцию. Понизовкины владели двумя расположенными в Даниловском уезде химическими заводами.

Ярославская губерния была одним из центров крестьянской обработки льна. Крупное полотняное производство начала XIX века было представлено двумя крупными предприятиями иногороднего капитала: ЯБМ дворян Яковлевых и полотняная мануфакту-

ра костромских купцов Угличаниновых. Кризис полотняной промышленности привел к упадку этих предприятий. Но в последней четверти XIX века оживились крестьянская льнопрядильная и полотняная промышленность.

Значительное место в промышленности Ярославля занимало в середине XIX века производство табачных изделий. Эта отрасль возникла как мещанская, но владельцы табачных заводов, сначала совсем небольших, начали накапливать капиталы и переходить в купечество (И. Крашенинников, А. Вахрамеев, Х. Мартынов, с 1853 года - Н. Дунаев). В 1881 году Дунаевым была открыта спичечная фабрика.

Самым знаменитым мукомольным предприятием города была открытая в 1848 году мельница купцов первой гильдии Крохоняткиных. Устраивались мельницы и другими хлеботорговцами.

Развивались и такие отрасли промышленности, как крахмалопаточная, лидерами которой были купцы Понизовкины, сапоговаляльная, свечная, маслособойная. В селе Дядьково находился нефтеперегонный завод Д. Друженкова.

Кроме торговли и промышленности, ярославские купцы вкладывали деньги в содержание винных откупов.

ДАНИЛОВ

Данилов был основан в 1777 году из дворцового села как административный центр уезда. На 1785 год в городе насчитывалось 335 деревянных частных домов и 106 деревянных же лавок и прочих торговых мест. Кроме того, в городе располагалась одна деревянная богадельня. Что касается населения, то в этот год было зафиксировано 328 купцов (из них 144 - мужского пола) и 915 мещан (346 мужчин). Среди горожан было некоторое число ремесленников, в частности, 7 серебрянников, 1 часовых дел мастер (кстати, один из четырех на всю губернию), 12 кузнецов, 5 сапожников и башмачников, 4 шапошника, 4 рукавишника, 2 пешника, 2 оконнишника, 14 скорняков (больше их было только в Угличе), 10 сырейщиков, 4 крашенинника, 12 свешников, производивших восковые и сальные свечи.

Несмотря на то, что город находился на крупном гужевом тракте Москва - Вологда, это не оказало существенного влияния на его экономическую жизнь. Торговля его была ограничена снабжением

местных жителей товарами первой необходимости. Но к рубежу XVIII - XIX веков торговля холстом, мясом, коровьим маслом, заячьими мехами и овчинами, то есть тем, что производили уездные жители, вышла за рамки местной. Эти товары стали отвозиться в соседние города, а также в Москву и Санкт-Петербург.

В городе не было крупной промышленности. Еще в восьмидесятые годы XVI и в начале XVII века в нем насчитывалось 3 свечновосковых, 3 свечносальных и 1 крашенинный завод. С течением времени их количество менялось, но при этом они оставались мелкими предприятиями на уровне мастерских, где работали лишь хозяева и члены их семей, наемный труд не применялся.

Несмотря на величину предприятий, сальные свечи являлись и предметом вывозной, по отношению к городу, торговли, они продавались, и в немалом количестве, в Любиме и Костроме. К 1816 году в городе осталось лишь два небольших салотопенных завода.

В 1800 году в Данилово был основан кожевенный завод с десятью рабочими и общей годовой выработкой 5150 кож. Его хозяином стал местный купец Иван Федорович Коматовский, который к тому времени владел уже сальносвечным и крашенинным заводами в Данилово. На этом кожевенном заводе рабочий день длился 17 часов, а число рабочих дней в году, без воскресных и праздников, составляло 250.

Купец А. М. Ушаков.

Это предприятие, в отличие от других заводов Коматовского, продолжало существовать и в 1815-1818 годах во владении сына основателя. В 1814 году подобный же завод устроил и другой даниловский третьегильдеец - Попов.

Дальнейшее развитие промышленности на основе местных промыслов привело к появлению в городе в 1828 году основанной сыном упоминавшегося ранее И. Коматовского Федором полотняной мануфактуры с 22 вольнонаемными рабочими, сбывавшей продукцию в Санкт-Петербург. Продолжали развиваться кожевенные и свечные заводы.

К тридцатым годам XIX века в Данилово появилось 39 каменных зданий. Кроме них в городе располагалось 358 деревянных домов, кузницы, лавки и т. д. Если рассматривать состав населения по сословиям, в городе было 150 дворян, 77 купцов, 1382 мещанина, 129 разночинцев и т. д., а всего - 1924 человека. К шестидесятым годам население увеличилось до 4569 человек.

В середине XIX века город был «в особенности замечателен скупкою холста», который вместе с вырабатываемыми Коматовскими фламскими полотнами сбывался в Санкт-Петербург, причем там «главное требование» исходило из Америки. Вместе с полотняной мануфактурой медно-самоварный, кожевенный, клеевой, два сальносвечных и кирпичный заводы составляли всю промышленность города.

Но сам город был не очень привлекателен в плане торговли. Из купеческих капиталов на 1862 год (1 - по первой гильдии, 2 - по второй; и 76 - по третьей) в городе обращались всего 32, а остальные торговали на стороне. Так, в пятидесятые годы в селе Вятском проживали 3 купеческих семейства (1 - ярославское и 2 - даниловские: Саловы и Галочкины); в селе Середа - купцы Косовские; в деревне Косово - Косовские; в Терехине - Суховы; в селе Федоровском - Ланцевы; в деревне Перемилово - две семьи Лукояновых и Ананьевы; в районе деревни Гузицыно, кроме ярославцев Позизовкиных, - Трутневы, Тепляковы; в деревне Щеляково - Тороповы; в селе Хабарове - Фроловы; в деревне Хламотино - Романовы; в Слесине - Мякины; в Стоянове - Грачевы; то есть не менее 16 даниловских купеческих семей проживало в это время в уезде.

К концу XIX века Данилов постепенно уступил первенство в

Купец А. А. Акимов с женой.

местной уездной торговле крупным селам и даже деревням, особенно Вятскому и Середи, в которых еще с середины века жило достаточно большое количество купцов, формально приписанных к Данилову.

В целом же и в начале XX века торговля и промышленность Данилова имели чисто местное значение, а местное купечество было немногочисленно и достаточно слабо экономически. В это время в городе насчитывалось 5300 жителей. Для нужд купечества и горожан были открыты отделение банка и ссудно-сберегательная касса. Кроме того, здесь находились 16 трактиров, 15 постоянных дворов, 2 гостиницы, концертный зал.

УВЛЕЧЕНИЯ КУПЕЧЕСТВА

Во второй половине XVIII века среди купечества нередким явлением стали домашние библиотеки. Рядом с книгами церковными были и светские - учебные, общеобразовательные, новинки.

Что же читало купечество в конце XVIII века? Духовную литературу: "Библию", "Камень веры", "Часослов", "Четыи Минеи", "Псалтырь", "Страсти Господни", беседы святых отцов и жития. Из светской литературы: "Оды" Ломоносова, "Всемирный путешественник", "Тысяча и одна ночь", "Робинзон Крузо", "Похождение Телемака", "Ванька-Каин", "Новая Элоиза" и другие.

Кроме книжного собирательства, которым продолжали заниматься купцы и в первой половине XIX века, в их среде появились первые историки родного края, не только интересовавшиеся прошлым своей земли, но и публиковавшие результаты своих исследований в местной прессе.

Одним из первых ярославских краеведов был местный купец С. Серебренников (1803 - 1866 годы). Он собирал рукописи, книги, монеты. Результаты исторических изысканий печатал в "Ярославских губернских ведомостях". Его исследования были посвящены самым разным вопросам древней и новой истории Ярославской губернии, как церковной, так и гражданской. Широта его интересов простиралась от времени основания Ярославля до организации первого русского театра и открытия Ярославского наместничества. Он состоял членом-сотрудником Русского археологического общества, общества истории и древностей российских при Московском университете, членом Ярославского губернского статистического комитета.

Были свои библиофилы и краеведы и в других городах: в Рыбинске - купец А. Миклютин, в Ростове - А. Титов, в Угличе - К. Евреинов. Но все же слой людей, равнодушных к истории, книге, был чрезвычайно тонок.

Не минули купеческую среду и другие увлечения того времени. К концу XIX века в городах возникли различные клубы и кружки по интересам, в состав которых входили и представители предпринимательской среды. В Рыбинске существовало два клуба - бессловесный "Общественный" и "Коммерческий клуб", объединявший высокопоставленных лиц города и именитое купечество. Также были организованы хоровой и литературно-драматический кружок, кружок любителей велосипедной езды. В Ярославле купец и фабрикант И. Дунаев в конце XIX века организовал оркестр, содержащийся на его средства и игравший во время проведения различных общественно-культурных мероприятий (бал по случаю Нового года, благотворительные вечера и т. п.). Активным членом Ярославского отделения Русского императорского музыкального общества был в начале XX века почетный гражданин купец Л. Пастухов, должность казначея этой организации занимал купец Е. Коцуев (сам скрипач и дирижер оркестра любителей).

В начале XIX века популярным было разведение голубей. Гонимые голуби ярославской породы считались лучшими в России. Среди любителей были люди очень состоятельные, так как "лучшее гнездо" стоило в 1802 году 25 рублей (очень значительная для того времени сумма).

В конце XIX века увлечением купечества стали лошади. Держал лошадей разных пород (английских, шведских, беговых, битюгов и других) И. Дунаев, владелец табачной и спичечной фабрик и конного завода. Ещё одним любителем лошадей был мучной торговец Ерыкалов. В Ярославле было создано Общество любителей конного бега.

КУПЕЧЕСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Купеческие деньги вкладывались не только в укрепление и расширение дела, на увеличение личных средств или на увлечения, но и на благотворительность.

Наиболее старый традиционный способ некоммерческого вло-

жения капиталов в общественные нужды - строительство церквей. Именно купечеству обязан Ярославль прекрасными храмами. Строились купцами церкви и в других городах и селах. Называли таких людей благотворителями, "жертвователями и благоуказателями" храмов. Основной причиной храмосозидания была забота о душе. Церкви возводились "по обещанию о своих душах и по душах родителей своих в вечный поминок".

В Данилове в 1859 году "тщанием местного купца второй гильдии Е. Ф. Коматовского была построена Вознесенская кладбищенская церковь. В Мологе Богоявленская соборная церковь была возведена на средства могологского первой гильдии купца П. Подосенова и Санкт-Петербургского купца Н. Ушина, местного уроженца. В Мышкине зимний кладбищенский храм появился благодаря купцам Чистовым.

Купцы вкладывали средства и в ремонт старых храмов в Ярославле, Ростове, Угличе, Романов-Борисоглебске, Любиме. Часто купечество строило храмы на своей родине или родине предков - в селах. В Ярославской губернии в конце XVIII - начале XIX веков появляется несколько сельских храмов, своим существованием обязанных не только местным, но и московским, петербургским и другим жителям, уроженцам этих мест.

При церквях на деньги благотворителей создавались богадельни, церковно-приходские школы.

Основные благотворительные средства вкладывались в призрение, образование и здравоохранение. В Данилове купцом Е. Коматовским была создана богадельня.

Купечество играло большую роль в устройстве приютов для сирот и детей бедных родителей, входило в попечительские советы при образовательных учреждениях.

К рубежу XIX - XX веков благотворительность в России достигла огромных масштабов.

К концу XIX века в предпринимательской среде уже стали правилом хорошее образование и интерес к культуре.

Городской голова

В 1870 году старые сословные городские думы, введенные Екатериной II в 1785 году, были заменены бессословными. По этому положению в Данилове все дела стала решать городская управа во главе с городским головой потомственным почетным гражданином Евлампием Федоровичем Коматовским. Еще раньше, в 1859 году, на средства Е. Ф. Коматовского были построены храм с оградой на кладбище, а пятью годами позднее тут же - одноэтажный каменный дом - богадельня для женщин. Его примеру следовали другие. Владелец кожевенного завода купец Федор Васильевич Москательников в 1868 году построил церковь при тюрьме.

Ф. В. Москательников.

Опора на состоятельных людей помогала городскому голове решать многие вопросы развития г. Данилова.

Так, в 1895 году при отсутствии в казне необходимых средств возникла потребность иметь в уезде двухклассную школу, которая готовила бы учительниц для села. Известие это было встречено с сочувствием. Желających содействовать строительству оказалось предостаточно. Люди из разных мест, различного достатка

предлагали лес, земельные участки, деньги. В 1898 году школа была открыта.

Особенно преуспел в делах благотворительности городской голова Василий Федорович Москательников. Городская управа тогда занимала второй этаж здания с колоннами и мезонином на Воскресенской улице (после революции школа № 2 имени Ленина), внизу было казначейство, а выше - страховое общество. Дом Москательникова находился рядом (ныне дом №18 по улице Ленина). Жил он вместе с братом Иваном Федоровичем Москательниковым.

После большого пожара 1895 года, когда лучшая часть города с магазинами и купеческими домами была уничтожена огнем (из 600 построек сгорело более 250), а прямые убытки составили свыше миллиона рублей, первое, что могла сделать городская управа, - облегчить участь погорельцев, разместить их в оставшихся лачугах, возродить торговлю.

К удивлению горожан, и прежде всего самих Москательниковых, их дом, находившийся в центре огненной стихии, по необъяснимым причинам уцелел.

Обустройство города требовало производства строительных материалов. Городская управа всячески способствовала этому. Гончарные заводы Чебунина, Кулева, Сурьянинова (располагались за пределами города) начинают в больших количествах выпускать кирпич, вступает в строй лесопильный завод Карпова, открывается ремесленная школа и несколько частных столярных мастерских. Центральная часть города и прилегающие к ней улицы покрываются булыжником, а тротуары на окраинах - настилом из теса.

В то время Данилов освещался керосиновыми фонарями. Специальный штат фонарщиков с лестницами на плечах и с корзинами заправленных ламп два раза в сутки путешествовал по городу. И все же кругом стоял полумрак. Улучшить положение могла электростанция. И. Ф. Москательников предложил брату пожертвовать для этого одну из двух каменных кладовых при доме, в которых хранилась продукция кожевенного завода: хром, войлок, веревки разной толщины, сапожные деревянные шпильки... Городской голова, опираясь на купечество и других местных богачей, купил динамо-машины, и к 1912 году электростанция дала ток. На перекрестках улиц поставили столбы

с кронштейнами. С помощью ролика и небольшой лебедки фонари периодически снимались, так как были электродуговые и нуждались в смене углей.

Потом появилась мысль приобрести кинопроектор. Москательниковы жертвуют вторую кладовую (впоследствии здесь была механизированная пекарня). В зале на 70-80 мест был установлен экран, пианино. Немые картины сопровождалась игрою музыкантов. Вскоре в этом же здании была оборудована телефонная станция на 35 номеров. Поначалу новую затею местная знать встретила неодобрительно. Прежняя связь с помощью посыльных с записками казалась надежнее, а потом всем миром купили большой коммутатор, который работал круглосуточно.

Снабжение города водой осуществляли возчики из гужевой артели Ф. П. Боровикова. Ежедневно за небольшую плату они доставляли ее от только что построенной водокачки жителям, в чайные, трактиры, пекарни... Боровиков имел около 30 лошадей, различные повозки для летнего и зимнего времени и развозил на них товар со складов и станции по магазинам, а также пассажиров от вокзала по деревням. Этим же занималась и гужевая артель Кулькова.

Москательниковы увлекались астрономией. На крыше их дома была оборудована подзорная труба, в которую братья любовались небесными светилами. Возле дома имели небольшую метеостанцию. Сводки о погоде ежедневно вывешивались в одном из окон нижнего этажа. Ими пользовались многие даниловцы. Не остались в стороне и вопросы культуры. В 1901 году создается уездный комитет попечительства о народной трезвости. Городской голова единогласно избирается его казначеем. Одним из практических шагов комитета по инициативе В. Ф. Москательникова было открытие дешевой чайной-читальни и библиотеки. Несколько позднее начинает работать купеческий клуб.

Особой заботой В. Ф. Москательникова был пожарный двор. При его содействии городская управа изыскивает средства на приобретение новых машин, лошадей, духового оркестра, экипировки личного состава.

В период империалистической войны в Данилове находилось более сотни пленных солдат австро-венгерской армии. Среди них было немало квалифицированных рабочих разных

специальностей. Их опыт был использован на строительстве учебного заведения (после революции - педтехникум), ломбарда (пристройка к городской управе) и на железной дороге.

Важным событием в жизни города был приезд эвакуированной в 1915 году с острова Эзель мужской гимназии. Ей требовались помещения для занятий, жилье для учеников и педагогов. Выручила заведующая частной женской прогимназией М. И. Головина, предоставив гимназистам учебные классы на первую смену. Постаралась и городская управа.

После пожара 1895 года большинство даниловцев считало, что им уже никогда на своем веку не достичь прежнего достатка, однако умелое ведение хозяйства городской управой, поддержка страхового общества и благотворительность состоятельных сограждан помогли не только справиться с бедой, но и добиться заметных успехов в строительстве, торговле и в других сферах жизни города.

Духовенство Даниловского уезда во второй половине XIX - начале XX века

На протяжении второй половины XIX - начала XX века город Данилов и его уезд, по сравнению с другими административными округами Ярославской губернии, не отличались значительным количеством духовных учреждений. К середине столетия в нем находилось 54 каменных церкви, при которых богослужебные обязанности исполняли около 200 священно- и церковнослужителей¹. Без их участия не обходилось ни одно важное событие в даниловских семьях: клирики регистрировали браки, крестили новорожденных, совершали многие другие обряды и таинства. В то же время вопрос о материальном обеспечении духовенства этого региона, как, впрочем, и клириков Российской империи вообще, является слабо изученным. Восполнить некоторые пробелы позволяют анализ документов Государственного архива Ярославской области, материалы, содержащиеся в «Ярославских епархиальных ведомостях» и статистические источники.

Доходы, получаемые духовенством Даниловского уезда, можно разделить на несколько категорий: государственное жалование, прибыль от земельной собственности, церковные суммы, капиталы в кредитных учреждениях. К середине XIX столетия ни один причт в Данилове и его уезде не получал казенного содержания. Лишь церкви с. Троицкого на Волчьих горах и с. Реброва, как наиболее бедные и малоприходные, пользовались скудными вспомогательными окладами от Святейшего Синода. Такая ситуация характерна для всей Ярославской епархии, в которой государственное финансирование священно- и

Преображенская церковь.

церковнослужителей началось только в конце XIX века. Несмотря на то, что уже к 1912 году около половины духовенства Даниловского уезда получало казенное жалование, правительственные меры оказались явно запоздалыми². На недостаточную материальную поддержку от государства указывали многочисленные заметки клириков в периодической печати. В них говорилось, что «жизнь, особенно после начала войны с Германией, постоянно дорожает, крестьяне за выполнения различных работ для церкви уже не берут прежней цены, а как прожить священнику на 400 - 500 рублей, если у него 2 - 3 отпрыска учатся?»³.

Отсутствие или недостаток жалования из казны побуждали приходское духовенство использовать другие источники своего обеспечения. Важнейшим элементом хозяйственной жизни Церкви являлась ее земельная собственность, всегда приносившая гарантированную прибыль. С середины XIX и до начала XX века земельные владения церковью Даниловского уезда увеличились весьма незначительно и составляли чуть более 3000 десятин. В то же время среди них были и весьма крупные землевладельцы: четырем церквам принадлежало более 100 десятин⁴.

Группа прихожан Казанского собора. В центре последний духовник обители епископ Софроний (в миру Сергей Прокопьевич Старков).

Выгоды от земли клирики могли извлекать двумя путями: через отдачу ее в арендное содержание или обработку. Сельское духовенство предпочитало второй способ использования своих наделов. В шестидесятые годы XIX века практически все священнослужители Даниловского уезда занимались обработкой своих наделов и выказывали полное удовлетворение полученным урожаем. Лишь при двух церквах с. Вятского пахотная и сенокосная земля, по признанию клириков, были «почти безвыгодны». Сдачей своих угодий в наем занимался только городской Воскресенский собор, владевший лесной дачей в 360 десятин. Однако доходы его духовенства по этой статье были не столь существенны. Так как угодья находились на значительном расстоянии от Собора, требовалось нанимать сторожей для их охраны. Отдаленные неохранные пустоши подвергались такому «страшному воровскому истреблению», что клирики в целях сбережения лесных массивов даже хотели отказаться от пользования лесом для церковных нужд⁶.

Главную роль в обеспечении приходского духовенства играли церковные доходы от верующих. Традиционно эти прибыли делились на кружечные, кошелевковые и свечные. При кружечном доходе деньги поступали в общую кружку, а через определенное время (неделю, месяц) распределялись между всеми членами причта. Наиболее важными источниками кружечной прибыли являлись выручка от крестных ходов, плата за требы и поминание «за здравие и за упокой». В дни больших праздников (Рождество, Пасха) духовенство Даниловского уезда по обычаю ходило со святым крестом по домам прихожан. Каждый хозяин жертвовал деньгами и продуктами столько, сколько находил возможным. Наибольшую прибыль, варьировавшуюся от 100 до 150 рублей в день, получала Воскресенский собор г. Данилова. Но эти обходы «весьма тяготили духовенство из-за неуважения и недружелюбия верующих». Священник одной из церквей Ярославской епархии так описывал непростые взаимоотношения причта и горожан: «Когда священно- и церковнослужители ходят со святым крестом по домам, их иной раз принимают в прихожей, иногда высылают для принятия прислугу, иногда и совсем не отворяют дверей под каким-нибудь ничтожным предлогом»⁷.

Плата за церковные требы (обряды) была очень важна для клириков. Весьма разнообразны были требоисправления,

связанные с помятием умерших: простое поминовение во время службы, панихида, заупокойная обедня. Служба на третий день после смерти называлась «третинами», на девятый - «девятинами», на двадцатый - «полусорочинами», на сороковой - «сорочинами». Иногда прихожане заказывали сорокоуст, то есть 40 обеден по усопшим. В сельских церквах за поминовение брали от 50 копеек до 1

Казанский собор на Горюшке.

рубля, в городских от 1 до 5 рублей, за сорокоуст - от 4 до 12 рублей. Всего же в Соборе и приписной к нему Преображенской церкви г. Данилова ежегодно совершалось более 1600 всенощных бдений, литургий, вечерних и утренних богослужений⁸. В шестидесятые годы XIX века за подобные таинства духовенство Даниловского уезда получало около 280 рублей кружечных доходов на причт.

Эти доходы, а также значительные прибыли от продажи свечей и пожертвования от прихожан явились основой для формирования церковных капиталов в кредитных учреждениях. В середине XIX века лишь Воскресенский собор г. Данилова и 31 храм в уезде получали со своих вкладов в общей сумме около 500 рублей⁹. Постепенно росли как количество, так и размеры

капиталовложений. Немалую роль в этом сыграло движение по улучшению быта духовенства 1770-х гг., когда состоятельные прихожане жертвовали на содержание причтов крупные суммы, протестуя таким образом против закрытия беднейших и малоприходных церквей. Так, помещица Бабкина, «усердно желая видеть церковь с. Нальянова Даниловского уезда самостоятельную», внесла в Государственный банк 8,5 тыс. рублей¹⁰. К началу XX в. капиталы всех церквей Ярославской епархии увеличились в десятки раз и составляли 5,5 млн. рублей¹¹. По этому показателю она уступала лишь Московской епархии и существенно опережала причты богатых соседних епархий (Тверской, Владимирской).

Наряду с денежными приношениями, духовенству в сельских приходах были распространены и вещественные. К ним относились платки и полотенца для обтирания рук священника во время крещения младенцев, куски материи, подстилающиеся под ноги вступающих в брак, дары новобрачных духовенству. Существовали и «посезонные» приношения продуктами питания:

- 1) осенью - сбор зернового хлеба;
- 2) во время поста апостолов Петра и Павла, когда скапливалось значительное количество яиц, духовенство их собирало, чтобы потом давать их в долг тем же крестьянам;
- 3) в Рождество и на Пасху - печеный хлеб.

Доходы, получаемые из всех перечисленных источников церквами Даниловского уезда, расходовались не только на нужды этих учреждений. Определенной частью причтовых денег не могли распоряжаться ни староста, ни клирики, ни прихожане. В шестидесятых годах XIX века причт Воскресенского собора г. Данилова отчислял на содержание бедных духовного звания 125 рублей, духовных училищ 12 рублей, на параллельные классы семинарии 22 рубля и т. п.¹² По указу императора, с семидесятых годов XIX века около 30% своей прибыли храмы были вынуждены отсылать в виде различных налогов в епархиальную администрацию и Хозяйственное управление при Синоде. Несмотря на это и трудности в получении отдельных доходов (жалование, плата за крестные ходы), церкви Даниловского уезда и их духовенство считались весьма обеспеченными, хотя несколько отставали от Ростовского и Ярославского уезда за счет

значительного количества в последних городских церквей, которые традиционно являлись более доходными.

О материальном обеспечении монашеского духовенства известно намного меньше, чем о содержании приходских священнослужителей. Лишь в конце XIX века вблизи города Данилова была учреждена женская община, обращенная в 1901 году в Казанский женский монастырь. Так как монастырь являлся заштатным, то его обитатели не получали никакого денежного довольствия из казны. В то же время благодаря значительным пожертвованиям он уже к 1912 году владел доходными источниками обеспечения. Наряду с постоянным притоком денежных средств от прихожан и богомольцев, обитель получала прибыль с каменных и деревянных домов в г. Данилове и пользовалась процентами с капитала в 16 тыс. рублей. Земельная собственность Казанского монастыря за первое десятилетие XX в. по неизвестным причинам несколько уменьшилась: в 1906 году ему принадлежало 152 десятины, в 1912 году - 128 десятин земли¹³.

Таким образом, приходское и монашеское духовенство Даниловского уезда имело разнообразные источники материального обеспечения. Наибольшую прибыль им доставляли доходы от верующих, т. е. прихожан и богомольцев. Наряду с традиционными способами содержания (обработка и сдача в аренду земельных угодий), церкви и монастыри начали пользоваться процентами с капиталов в кредитных учреждениях, а часть приходского духовенства получала жалование из казны. Все это помогало Даниловскому духовенству приспосабливаться к меняющимся условиям экономического развития второй половины XIX - начала XX века.

¹ Государственный архив Ярославской области. Ф. 230. Оп. 4. Д. 916. Л. 5 об.

² Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). 1912. № 48 ч.о. Там же. 1916. № 9 ч. о.

⁴ Памятная книжка Ярославской губернии на 1906 г. Ярославль, 1906. С. 107.

⁵ ЯЕВ. 1863. №44 ч.о.

⁶ Ярославские епархиальные ведомости. 1874. № 16 ч.н.

⁷ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 5. Д. 2045. Л. 11 об.

⁸ ЯЕВ. 1874. №16 ч.и.

⁹ ЯЕВ. 1863. №42 ч.о.

¹⁰ ЯЕВ. 1873. №11 ч.и.

¹¹ Всеподданнейший отчет по ведомству православного исповедания за 1915 г. Пг., 1917. С. 44-45, 50-51.

¹² ЯЕВ. 1874. №16 ч.и.

¹³ Памятная книжка Ярославской губернии на 1906 г. Ярославль, 1906. С. 111; Ярославский календарь на 1912 г. Ярославль, 1912. С. 53-54.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Масаинов Б. Мое детство в Данилове.	3
Обнорская Н. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII - начале XIX веков.	35
Шарапов П. Городской голова.	51
Ельцова О. Духовенство Даниловского уезда во второй половине XIX - начале XX века.	55

ДАНИЛОВСКИЕ ХРОНИКИ

Краеведческое издание
редакции газеты "Мой Данилов".

Тираж 999 экземпляров. 2008 год.

Редактор **Татьяна БЕЛОВА.**